

М

Лариса Буяльская

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Пенза

2014 г.

Буяльская Лариса Николаевна

- искусствовед, член СХ России, член АИС (Ассоциации искусствоведов),
- Заслуженный учитель России,
- преподаватель теории и истории искусства Пензенского художественного училища им. К. А. Савицкого.

Это издание – выражение благодарности тем, кто был рядом со мной на прекрасном и трудном пути, имя которому – искусствоведение:

- 1) преподавателям Санкт-Петербургского университета, которые вели в прошлое, чтобы понять настоящее, дорогами Рима, Византии, Древней Руси; которые делали такие странные имена, как Мис ван дер Роэ, Райт, Корбюзье, понимаемыми и любимыми, а судьбы Весниных, Мельникова, Леонидова, с их высокой трагедией, – истинно русскими, родными;
- 2) тем, тогда уже взрослым людям, которые не игнорировали статус коллег, когда я появилась в художественном училище, а, напротив, поддерживали, понимали, сочувствовали;
- 3) той части студенчества, которая на всю жизнь стала дружелюбной, приятельской. Их «впечатления» об истории искусства в моей импровизации – емкие и искренние. Ну что ж, я действительно делала это индивидуально, во всем проявлялась моя натура – грустная с детства, образованная Петербургом, неоднократно зажатая в тиски провинциальной Пензы. Но я сумела, практически сразу, полюбить людей, с которыми работала. И коллег-преподавателей, и поразительно

эрудированное студенчество. Всегда была уверена, что наши учащиеся – самые образованные – и в профессии, и в жизни.

**Лариса
Буяльская**

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

I ПЕТЕРБУРГ
II ОТЧИЙ ДОМ
III ВСЕЛЕННАЯ

Пенза

Издательство

...

2014

Макет книги – Дипломная работа выпускницы ПХУ им. К.А.Савицкого,
отделения «Дизайн»,

Юлии Елизаровой.

Руководитель – Громова Лариса Николаевна.

Использованы рисунки Буяльского Виктора Ивановича,

члена СХ России, 1946-1999, и

преподавателя ПХУ

Вижуткиной Любви Валерьевны.

Жизнь без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминучий
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Александр Блок

I. ПЕТЕРБУРГ

Первую часть книги «Преображение» посвящаю преподавателям кафедры Теории и Истории Искусства Санкт-Петербургского Университета.

Их имена:

Каргер Михаил Константинович. Древнее искусство.

Знамеровская Татьяна Петровна. Искусство Испании.

Калитина Нина Николаевна. Искусство Франции. Советское Искусство.

Гомберг-Вержбинская Элеонора Петровна. Русское искусство.

Банк Алиса Владимировна. Искусство Византии.

Денисов Юрий Михайлович. Архитектура Западной Европы и Америки XIX-XX веков. Русская архитектура XX в.

Богданова Евгения Ерофеевна. Рисунок, живопись, копирование.

Немилов Александр Николаевич. Средние века.

Каган Моисей Самойлович. Эстетика.

Бродский Валентин Яковлевич. Искусство Европы.

Воцинина Александра Ивановна. Античное Искусство.

Сиповская Ксения Владимировна. Английский язык.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА
1962 – 1967

В июле 1962 года, через два дня после получения аттестата зрелости, поезд мчал меня в город, в котором ни разу не была. Ехала я с дочерью ближайшей маминой приятельницы, Веры Григорьевны Скариновой, Еленой. Она была чуть постарше меня, поуверенней, но главное – на нее хотелось все время смотреть из-за ее поразительной привлекательности. Наши пути с Леной разошлись прямо на вокзале. – Она поступала в другой ВУЗ, наверное в медицинский, поскольку мама была врачом.

Во время вступительных экзаменов я жила в общежитии, находящемся в Гавани. И только после зачисления была переведена на Мытнинскую набережную. Мама привезла мне теплые вещи. Самой ехать за ними было уже невозможно – нас срочно отправляли в колхоз.

Комната, в которой мы с мамой пытались расположиться на ночь, была страшной, заброшенной, неудобной. Какие-то две девицы отпускали в наш адрес колкости. Но мы все стерпели, как и необходимость маме пройти санитарную проверку. Отъезд в колхоз был даже спасением – подальше из этих трущоб, от обозленных, потому что не поступивших, абитуриенток, – скорее на воздух!

Маму проводила, а дальше был путь в Карелию, где было холодно, грязно и голодно. Но порой наступали солнечные дни, и на душе становилось радостней.

Вещей, привезенных мамой, в особенности теплых, катастрофически не хватало, настолько, что в колхозе не во что было переодеться. Мы постоянно мокли под дождем, а у меня сухой одежды не было. Выручила девочка, дала мне юбку, и я была спасена, хотя вскоре сильно простыла, и с острой зубной болью меня отправили в Петербург, в Университетскую поликлинику.

Жизнь моя в Университете и его общежитии на Мытнинской набережной с видом на Эрмитаж (Зимний дворец) оказалась очень трудной в первые два года. Весь первый курс я была без стипендии (что-то не сошлось со справками). Мама, Валентина Николаевна, жившая в Пензе, буквально надрывалась материально, присылая мне большую часть своей зарплаты. И была-то она у меня одна – отец в конце войны обзавелся новой семьей, и проживал теперь в Туле. Трудно было и психологически. – Я оказалась брошенной в петербургские ветра, пронизывающий холод, особенно когда шла по мосту Строителей на Васильевский остров, и в полное одиночество, которое делало меня еще более не защищенной. Однако ежедневный путь

мимо Пушкинского дома (Институт русской литературы) к Университету постепенно делался осознанным, увлекательным и все более серьезным, углубленным.

Две библиотеки стали основным местом моего пребывания после лекций – Публичная, имени Салтыкова-Щедрина, с общим залом и научным, который и ныне располагается на Театральной площади, и библиотека Академии Художеств, где уже все было родным – и сотрудники, и читатели, и сами стены. Даже стол, за который я садилась с монографиями, всегда был один и тот же – в дальнем зале, под лоджиями с книжными стеллажами. Кроме монографий, я постигала здесь высокий накал поэзии Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Николая Гумилева. И это осталось на всю жизнь.

Возвращение в общежитие, всегда около 22 часов, не означало конец учебного дня. – Дальше ждала «рабочка», большой зал на третьем этаже (его-то окна и «смотрели» на Эрмитаж, со стороны Невы и стрелки Васильевского острова), где засиживались до глубокой ночи, особенно в очередные сессии.

Соседями по комнате были однокурсники с исторического факультета, состав которых поэтапно менялся. С III-го курса возникла стабильность. Вот тогда-то и оформились дружеские отношения с Сольвейг Розенберг, которая вернулась в Ригу, с Кайей Лехари, и поныне преподающей в Академии Архитектуры в Таллине.

Именно с Кайей и ее 14-летней сестрой Майю мы совершили после IV-го курса, во время каникул, длительное путешествие из Петербурга в Нижний Новгород. Нашей целью было знакомство с древнерусскими городами, где мы рисовали, слушали экскурсоводов, вели записи. Продвигались автостопом, на ночлег останавливались в пустынных местах, спали в палатке, еду готовили на спиртовке. Однажды, где-то под Ярославлем, нас застала сильнейшая гроза, и мы вынуждены были бежать через поле и проситься на ночлег, как сейчас кажется, в единственный дом в этом огромном бушующем пространстве. Если в Ростове Великом мы уже бывали от Университета, то Ярославль стал для нас настоящим открытием. Навсегда любимыми и легко узнаваемыми стали церковь Иоанна Предтечи в Толчкове с ее дивной каменной резьбой и почти светской аристократической трактовкой образов и самих фигур, наделенных пленительным изяществом поз и жестов, и главное – декоративностью и нарядностью гармоничного колористического решения. Фрески церкви Благовещения поразили удивительным сходством со стилем Джотто. Однако своеобразие работы ярославской живописной артели проявилось в напряжении и тихом страдании, которым наделены образы

(«Притча о царе»). И, наконец, церковь Иоанна Златоуста в Коровниках с вертикалью куполов, шатров и многоярусной стройной колокольней. Этот ансамбль поразили широтой и объемностью замысла, блестящим освоением пространства.

Тогда же в Нижнем, мы впервые увидели Волгу, без горизонтов, могучую, спокойную и равнодушную. До Пензы ехали в кузове грузовика. Ветер обжигал лицо, на нас не было кисейных платиц с оборками – мы были настоящими «шестидесятниками», для которых не мамона, а дух и небо были приоритетны. Бесконечная гряда Жигулей вдохновляла, но и сулила жестокую борьбу за Идеалы – творческие, профессиональные, жизненные.

Эта поездка вызвала внутреннюю необходимость дальнейшего знакомства со страной. И в первые годы после Университета я много ездила. Попутчиков теперь не находилось, и я отправлялась в путешествие одна. Мой маршрут проходил через Вологду, Углич, Кирилло-Белозерский и Феррапонтовский монастыри, Архангельск и, конечно же – Соловки. Непременно – в Москву на все выставки. В Петербург ездила ежегодно, вывозя студентов на Музейную практику.

Экзотическим было путешествие в Среднюю Азию (Ташкент – Бухара – Самарканд – Хива). В Бухаре познакомилась с известным в стране археологом и искусствоведом Юрневым, который стал наставником в моем очном знакомстве с востоком. Только по наивности можно было пуститься в такой рискованный маршрут в полном одиночестве. – Я прошла через серьезные опасности, но Бог был милостив ко мне, спасая и оберегая.

В Узбекистане я совершила первое свое паломничество к мастерице народной игрушки Хамро Рахимовой. Ее свистульки, монументальные и расписанные полосами и ударами кисти, до сих пор целы и любимы. С тех пор народное в искусстве стало моей любимой мелодией.

Нас, искусствоведов, довольно часто вывозили из Петербурга. Это все три Прибалтийские страны, конечно же Москва, Новгород и археологические экспедиции, которыми руководил выдающийся искусствовед, автор многочисленных исследований и реконструкций древнерусских соборов, заведующий кафедрой, **Михаил Константинович Каргер**. (Лучше так: Нас, искусствоведов, довольно часто вывозили из Петербурга – в Прибалтийские страны и, конечно же, в Москву, Новгород. Выезжали мы и в археологические экспедиции, которыми руководил...) Фронтоник, он нес в себе тот заряд мужества, демократизма и высокой гражданственности, которыми и поныне дышит Петербург. Но тогда, в середине шестидесятых,

это остро чувствовалось в поступках и облике всех преподавателей. — Это осознанная ответственность за прошлое и будущее Отечества. Вся профессура была наделена особой строгостью – их образы как будто сошли с полотен Никонова, Андропова, Коржева. Только что был развенчан культ личности. Страна в напряжении замерла перед новым броском к Свободе, к социальной справедливости. Жизнь Университета подчинилась высоким законам человечности, открытости и одновременно осознанием (чему? осознанию) драмы жизни.

Я поныне помню строгость и доброжелательность, более того, сочувствие со стороны Михаила Константиновича, который принимал у меня последний вступительный экзамен – собеседование. Крайне уставший, потому что до меня перед ним предстало уже человек двадцать, он с интересом и одобрением слушал мой отчет об учебе в Пензе, о моих занятиях в детской музыкальной школе, где отрабатывались не только основы исполнительского ремесла, но постигалась мировая инструментальная и оперная культура. Мы имели возможность «живьем» слушать многие оперные партии, в том числе в исполнении великолепного певца, ученика Глазунова, директора школы, Дмитрия Петровича Круглова.

Мне кажется, Михаила Константиновича поразило и удовлетворило то чувство благодарности, которое я испытывала к маме и всем учителям в Пензе. И он взял меня на кафедру.

Спустя сорок лет, во время очередной музейной практики в Петербурге, когда я вновь вывезла студентов в Новгород Великий, мне суждено было стать одиноким и трепетным посетителем выставки, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера. Она была развернута в одном из соборов на Ярославовом дворе. Смотрительница поделилась, что никого из Университета на ней не было. Вот тогда-то я и услышала Вечность. Это тишина, помноженная на грусть (контакт невозможен), и радость, идущая от признательности и любви к Учителю. Его фотографии, в армейской форме и светском костюме, перемежались с планами новгородских церквей, которые он обследовал и изучал. Эта виртуальная встреча произвела на меня сильное впечатление, (если тире, то запятая не нужна) – Человек и после смерти одинок, как и при жизни.

Лекции Михаила Константиновича, сопровождавшиеся большим количеством диапозитивов, всегда собирали переполненные аудитории. Единение кафедры достигало апогея, потому что слушали его, кажется, все курсы, да что там, – весь Университет. Счастливо соединив в себе

искусствоведа и археолога, он был безупречно точен в анализе памятников. Конструкция древнерусских соборов представляла перед нами через их аксонометрию, каркасная система с ее крестообразными столбами плавно «вливалась» в художественный образ, который так различен в древних архитектурных школах. Постепенно слагалась повесть о связи с Византией Киевской Руси, об особом изяществе Владимирской, о фольклорности Новгородской и о поразительном синтезе всех этих проявлений, который был достигнут в Московской архитектурной школе.

Но особой любовью Михаила Константиновича был Новгород Великий. Он его исследовал не только визуально. — (Тире не уместно.) Будучи археологом, реконструировал то, что было утрачено временем и войной. Вот почему результатом его научной работы стало открытие Новгорода как самого русского города, в культуре которого иноземные влияния были сведены к минимуму. И когда выдающийся ученый привел нас в знаменитый Детинец на Волхове, а потом знакомил и с другими памятниками этого музея под открытым небом, основным тезисом его бесед с нами было утверждение идеи вольности этого города, его поразительного мужества и в битвах с врагом, и в отвоевании политических свобод перед теми, кто пытался узурпировать его вольность, перед той же Москвой.

И как тонко он пытался это до нас донести, когда в один из вечеров, собрав нас в гостиничном холле, предоставил возможность каждому из нас проявиться в непосредственном, импровизационном ключе, прочитав стихотворение или исполнив песню. Не все были готовы к этому. Но навсегда запомнили в исполнении однокурсницы, Лины Черлинко, арию Пиковой Дамы на французском.

А затем Михаил Константинович читал нам русские сказки. И мы, тогда не вполне осознавая этого, погружались в народную культуру Севера, с ее идеалами силы и мужества. — Не раз потом в жизни приходилось черпать эти качества из источника, который влил в нас М. К. Каргер.

Археологическая экспедиция в селе Шепетовка (Украина), где раскапывалось очередное городище, запомнилась навсегда (1964 год). Работа начиналась в шесть утра из-за страшной жары. Небольшие перерывы обозначались свистком, который всегда был при Михаиле Константиновиче. Он периодически проходил вдоль глубин, выкопанных нами, внимательно осматривал их. На счет найденного я не была осведомлена, но что-то обнаружено было.

Каргер был крепким, мощного сложения человеком. Что-то прекрасное таилось во всем его облике. Он притягивал к себе людей громадной силой исходящей от него хо(a!)ризмы. Его появление на кафедре приводило в движение весь факультет. Одни с трепетом, другие с радостью предвкушали встречу с кумиром. Старшекурсники пугали нас тем, что сдать экзамен по древнерусскому искусству практически невозможно. На деле все было иначе. Не было более доброжелательного экзаменатора, чем Михаил Константинович. Он как будто знал, что в будущем, и даже скоро, мы глубже постигнем особенности и основы древнерусского искусства.

Фронтоник, прошедший от начала до конца всю Великую Отечественную В(в!)ойну, он глубоко понимал и ценность человеческой жизни, и нас, приехавших издалека получить уникальное образование. И он был потечески лоялен. Вот почему не могло быть иной, более достойной кандидатуры на должность заведующего кафедрой И(и)стории И(и)скусства Санкт-Петербургского У(у)ниверситета.

Михаил Константинович при этом мог быть и растерянным. Так было, когда он выбрал в спутницы девушку дивной красоты, в которой таинственно соединились молодость, строгость и классический облик богини. Как долго продлился их роман, не знаю. Но умирал Михаил Константинович всеми забытый. С ним был только верный его ученик, Булкин Валентин Александрович.

Он был курсом старше нас (это относится к предыдущему абзацу). Экспедиция и поездки сблизили два потока. И многие из него (из кого?) приобрели известность благодаря своим трудам, (запятая не нужна) и высокий государственный статус. Достаточно назвать Григория Наумовича Голдовского, заместителя директора Русского музея. Но уже с первого курса из общей массы выделялся Валентин Булкин, который изначально специализировался по древнерусскому искусству и стал верным учеником и последователем Михаила Константиновича. Теперь он так же, как и учитель, известный искусствовед и археолог, автор нескольких десятков монографий.

Высокий, стройный, светло-русый с голубыми глазами, он был мечтой всех девчонок нашей кафедры. Многие пытались добиться его расположения. Но Валентин оставался недоступным, и никому из нас не выпало счастья быть с ним. Он просто никого не замечал. Видно, именно такого стиля жизни требовала специальность. Иначе не было бы столько трудов, которые сделали Валентина Александровича Булкина знаменитым на всю страну.

Учеба на кафедре проходила не только в лекционных аудиториях. Были занятия по рисунку, живописи, копированию. Стало само собой разумеющимся зарисовывать памятники архитектуры, экспонаты на выставках и в музейных коллекциях.

Содружество с кафедрой археологии подкреплялось и экспедициями, и глубокой личной дружбой с сокурсниками. Так, моей ближайшей и преданной подругой с университетских времени поныне остается **Медведская Инна Николаевна**, доктор исторических наук. Ее дом, тогда на Васильевском острове, стал для меня теплым, уютным, всегда гостеприимным.

Впервые я переступила его порог еще до начала занятий на первом курсе. С сельскохозяйственных работ в Карелии, где мы собирали свеклу, доставая ее практически из воды, я была отпущена по болезни, но с запиской от Инны к ее маме, чтобы меня приняли в их доме. — Устраиваться в общежитии, кажется, было рано. И вот я впервые увидела родителей этой девочки. — Красивая, статная мама, Инна Евгеньевна, внушающая доверие и трепет из-за своей внутренней значимости, Николай Семенович, высокий, прямой, с ясным взором умных глаз, с внутренней улыбкой, озаряющей его красивое лицо. Приняли меня дружелюбно, по-отечески. И это отношение ко мне они пронесли через все мои студенческие годы.

Я часто ночевала у них, особенно в первые годы пребывания в Петербурге. В этом доме меня согревали, (поставить запятую) как могли, и я чувствовала себя более защищенной в своем одиночестве. Наличие такого неожиданного пристанища вызывало зависть моих однокурсников и знакомых по общежитию. И это не было недоумением, скорее молчаливым вопросом: за что я так пригрета. — А вот ни за что. Просто так случилось. Много лет спустя Инна говорила моей дочери, что я была умненькой. Нет, не меркантильной, но я была благодарна этой семье, а Инну любила и всегда оставалась верной ей.

С Инной мы познакомились перед первым вступительным экзаменом. Вместе ехали в троллейбусе, и я спросила, как найти исторический факультет. Она довела меня до здания, ставшего нашим родным, (поставить запятую) – с арочными проемами бывшего Гостиного Двора. Мы часто ходили с ней в Эрмитажный театр на лекции по изобразительному искусству. Их вели выдающиеся ученые страны. И в последующие годы Инна всячески меня поддерживала, как это делает и по сей день, давая вразумительные мудрые советы. Вот уже около пятидесяти лет мы общаемся с ней и визитами, и письмами, и телефонными звонками.

В середине восьмидесятых она приезжала ко мне, несколько дней жила в Тарханах. Я свела ее со всеми своими друзьями. Ныне жизнь разбросала их, а Инна осталась.

Она одна из первых моих однокурсников защитилась. Вначале – кандидатская, недавно – докторская. И у нее за эти прошедшие десятилетия случились невосполнимые утраты. Один за другим ушли родители. Похоронила своего учителя, наставника, друга, известного востоковеда, Луконина Владимира Григорьевича. Изначально занималась Ираком, и это стало ее специальностью. Ее, занимающуюся Востоком, ежегодно приглашают в Среднюю Азию в качестве эксперта. Она часто выезжает на международные конференции и симпозиумы в Европу. И при этом остается очень добрым, понимающим с полуслова, человеком.

И это качество Инны Николаевны Медведской остается для меня теперь уже вечным образовательным цензом. В контрасте – три однокурсницы сумели, после окончания Университета, остаться в Петербурге. И неоднократно, навещая их, я глотала слезы, расставаясь с ними, поскольку от них исходило такое высокомерие и пренебрежение по поводу моей жизни в провинции, что выдержать это было трудно.

Никогда ничего подобного я не испытывала со стороны коренного жителя Петербурга, моей Инны. Напротив, она отмечала мою преданность Художественному училищу, и всегда считалась с моим мнением, когда речь заходила о художественных произведениях.

Невысказанные укоры однокурсниц оставили глубокий след. Я и сама знала, что нельзя покидать Петербург. Но моя, особенно тогда, полная непригодность к жизни, (убрать) не позволяла мне идти ни по пути фиктивного брака (я вообще достаточно долго не хотела никакого брака, до тех пор, пока не встретила со своим Виктором), ни приспособливаться (стиль) к тем петербуржцам, которые неминуемо узурпировали бы мою

независимость. Кроме того, в Пензе меня ждала профессиональная работа, но главным образом, – мама, оставлять которую я не имела права. Может показаться, что я оправдываюсь. Но, судя по всему, это – судьба, и ее повороты предрешены.

Всегда помню первую экскурсию по Петропавловской крепости, которую для нас с Инной, только что принятых на факультет, и моей мамы, Цыганковой Валентины Николаевны, приехавшей в Петербург навестить меня и привезшей теплые вещи, вел Николай Семенович. И хотя глубокого осмысления самой истории и архитектуры крепости во мне еще не было, но через казематы и сами стены этого грандиозного ансамбля, выстроенного для обороны от шведов и вскоре превращенного в одну из самых страшных тюрем России, в меня проникало понимание Петербурга, города сурового, холодного, с вечно длящейся ночью большую часть года, равнодушного к переживаниям маленького человека. Судьба бедного Евгения из «Медного всадника» А. С. Пушкина становилась моей собственной, когда я шла по никогда не просыпающемуся городу на очередной зачет или экзамен.

Первые два года Петербург был для меня вечно зимним. Я испытывала глубокое одиночество, потерянность, и очень трудными оказались пути преодоления этого, когда город постепенно открывался другой стороной – светлой, ясной, незабываемой. Он становился для меня весенним, просторным, родным. Он принимал меня, кроме университетских аудиторий, в свои читальные и концертные залы, он дарил, теперь уже радость, от занятий, специальной литературы, от становящегося родным домом общежития на Мытнинской набережной, от выставок, поездок, от содружества, которое все больше расширялось. Теперь уже коренные петербуржцы с удовольствием приходили в нашу небольшую комнату, где читались стихи, пелись песни из репертуара Окуджавы и Визбора, где мы вникали в знаменитое:

«Мы под Колпино скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим...
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверный.
Недолет, перелет, недолет...
По своим артиллерия бьет.
Нас комбаты уверить спешат –
Говорят, что нас родина любит,

По своим артиллерия лупит...
Лес не рубят, а щепки летят...

Мы знали автора анекдотов об Армянском радио, и еще не опубликованный роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Пришел год, и мы хоронили А. А. Ахматову, а спустя месяц у нас уже готов был сценарий поэтического вечера, посвященного ее памяти. Мною была подготовлена «Сказка о черном кольце» и «Небывалая осень». Вот они:

1

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало», —
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,

Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянула в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.

.....

Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Заалели небеса,
Забелели паруса.

1917-1936

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?..

Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее,
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.

Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,

Что казалось - сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

Мы, пришедшие в Университет, были поколением, появившимся во время войны. Мы родились вопреки обстоятельствам. Нашей судьбой стала безотцовщина – гибель на фронтах была массовой. Петербург, выдержавший блокаду страшной ценой, теперь осознавал свой долг перед погибшими в том, чтобы дать стране высокообразованных людей. Прием абитуриентов в Университет отличался требовательностью к нам (это был 1962 год), и гражданским пониманием трудностей, которые выпали на нашу долю. С детства помню колоссальные очереди за хлебом, мукой, сахаром; когда люди стояли, тесно прижавшись друг к другу. И не дай Бог было выйти из этих тисков – на прежнее место никто бы и не пустил. Я прошла через это массовое унижение, еще не будучи школьницей, поскольку мама, работавшая на заводе имени Фрунзе, жестко подчинялась почти военной дисциплине.

В 1962-м, когда я поступила в Университет, в стране были введены карточки на хлеб. Население вело полуголодное существование, с обмороками, семейными драмами, со слезами. Все это, один к одному, повторилось в восьмидесятые годы.

Петербург нас кормил. По крайней мере старался. На столах в «Академичке» всегда были хлеб и салат из свежей капусты. Мы не умели пользоваться этим, но самые продвинутые охотно питались именно так.

Большинство из нас жили впроголодь. Есть хотелось практически всегда. И довольно продолжительное время мы выходили из положения с помощью подсоленного постного масла и хлеба.

Именно в это время ректорат Университета, руководствуясь политическими соображениями, решил сблизить студенчество нашей страны и Германии. На фоне глобальных мер, предпринятых правительством, как, например, безвозмездная передача Пергамского алтаря стране, проигравшей войну, были запланированы проекты обмена студентами. На кафедре уже состоялась такая встреча, когда мы обменялись тоненькими книжками по искусствоведению. Теперь предстояло жить с немками, и к нам подселили двух. Они были не разговорчивы, мы – молчаливы. В их глазах застыл ужас от нашего быта, нашей одежды, от глубокой неприязни к их вежливости, помноженной на холод. Они нас – не понимали. Мы их – не принимали. Не помогли и их кураторы, представители посольства. Нам ни разу не было задано ни одного вопроса, не выражено никакого сочувствия. Мы отвечали отстраненностью. – Эксперимент по сближению наций полностью провалился.

Но только вскоре, когда В. Я. Бродский читал нам курс по искусству Германии послевоенного времени, мы прониклись уважением к мужеству немцев, преодолевших фашизм. Они, «затянувшие пояса», создали культуру остросоциальную и политически зрелую. Германия оказалась достойной своего великого **многовекового** (Чего?) С тех пор я всегда с крайним интересом знакомялась на выставках в Эрмитаже с немецким искусством. Сейчас меня поражают громадные концертные залы под открытым небом этой страны и вдохновение на лицах людей, слушающих немецкую и мировую классику.

Политическая ситуация в стране и в мире накалилась до предела, когда мы были на втором курсе. О Карибском кризисе узнали, находясь в Таллине. Еще не до конца понимая явную грозящую нам опасность со стороны Америки, мы застыли в страхе перед возможной новой катастрофой. Но решительные меры Н. С. Хрущева, пославшего на Кубу советские ракеты, предотвратили начало Третьей Мировой войны.

Так мы выросли. Пришло осознание неумолимой связи индивидуальной судьбы – с мировой. И теперь уже не «Сказка...» А.А.Ахматовой сопровождала меня, а другое, масштабное и пророческое:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Образование есть становление гражданской позиции. С нами работали, входили в доверительные дружеские отношения выдающиеся ученые университетской профессуры. Тяга к знаниям, благодаря нашим

наставникам, была проявлением чести и достоинства в каждом из нас. Судьбы преподавателей и студентов часто переплетались. Страна стояла только на пороге изживания тоталитаризма. В Университете зарождалось де(И!)ссидентство. Именно за это был осужден аспирант кафедры Иванов Николай Викторович, отсидевший в Потье шесть лет. Аресту был подвержен студент исторического факультета Дмитрий Дерюга, участвовавший в акциях за права человека на Красной площади; выпускник философского факультета Василий Харитонов, переправлявший из Одесского порта в Америку литературу о политическом режиме в стране. Один из самых образованных на факультете Борис Федькин много лет жил отшельником, изредка навещаясь в Петербург, и погиб от болезней и голода. Юра Филиппов затерялся в дебрях к(К)раснодарского края.

Параллельно формировалось авангардное искусство шестидесятников. С трудом, как будто через узкие трещины ломающейся нэпмановской (?) идеологии (непмановская идеология имела место в 20-е годы) доходили до нас стихи А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко.

Даже такие простые строчки, как:

«Москва гремит, как варево,
Под колокольный звон
Вам, варвары всех времен...»

или:

«Все остальное ждет нас впереди.
Да будем мы к своим друзьям пристрастны,
Да будем думать, что они прекрасны,
Терять их страшно. Бог не приведи.»

Вдохновляло своей открытостью «со мною вот что происходит...» и уж тем более заставляло глубоко задуматься знаменитое утверждение «поэт в России больше, чем поэт».

В 1965 году, в парке культуры имени А. М. Горького состоялась знаменитая «Бульдозерная» выставка, когда произведения, экспонировавшиеся на скамейках и прямо на земле, были сметены мощной техникой. Противостояние художника и власти, казалось, достигло апогея. Но впереди еще был невиданно грубый выпад против шестидесятников на выставке в Манеже. – Тогда-то и началась всемирная слава тех, кто стал знаменем нового, демократического искусства. Это – Коржев, Никонов,

Андронов, Попков, Пологова, Низаренко Шемякин, Неизвестный и многие другие.

По крупицам это свободомыслие проникало в нас, и мы учились не бояться, через культуру отстаивать интересы нового человека.

Шли месяцы, годы. На последних курсах у меня была уже стабильно повышенная стипендия. Приближалась работа над дипломом. Моим куратором давно стала Элеонора Петровна Гомберг-Вержбинская, это значит – русское искусство. Только раз я попыталась сделать шаг в сторону, когда на втором курсе взялась за миниатюры к Шах-Наме. Это было влияние Инны Медведской, которая к тому времени твердо определилась в своем пристрастии к Востоку, и уже никогда не свернула с этого пути. Но у нее были наставники, учителя вне Университета, а мне, в одиночестве и без помощи, одолеть этот пласт великой культуры было невозможно. Да и перспектив не было – моей профессиональной судьбой становилось русское искусство.

И тема была выбрана мной самой – «Бубновый валет». Работать было интересно. Мне нравился демократизм этого объединения, «мужицкий» настрой на сочную, пастозную живопись, смелость в компоновке натюрмортов из крестьянских (Машков) или рабочих материалов (Кончаловский, «Сухие краски»). Но главным образом отсутствие элитарности и выпренности академизма. Это был авангард, усиленный Натальей Гочаровой и Михаилом Ларионовым. Включение этих мастеров в народную и даже низовую культуру сделало их творчество всемирно известным, потому что (оно было) национальным. А это – главный стержень признания. Когда художник не соприкасается с фольклором, он становится стандартным.

Поэтому сейчас, когда отмечено столетие со дня рождения Гончаровой большой выставкой в ГМИИ им. А. С. Пушкина, я ощущаю свою причастность к этому событию. Ибо публиковать материал о бубнововалетцах в 1967 году было небезопасно. Вот почему так волновалась Элеонора Петровна. Но у нас с ней была защита. Это монография Камиллы Грей «The great experiment», получившая всемирное признание. Я переводила этот текст и цитировала его в своей работе.

В Пензе эта тема вызывала недоумение. От меня буквально шарахались, когда узнавали о ней. Она была обозначена в дипломе, так что официальные лица, ничего не зная об авангарде, все же предполагали во мне ту революционность, которую я привезла из Петербурга.

Чего же они так боялись? ■ Они не хотели разрушать того мещанского уклада, который сложился в стране еще в тридцатые годы и усилился в пятидесятые. Они жили, защищенные программами КПСС, с идеями приоритета материальных благ. В атеистической стране знаменем стал кусок окорока, буквально как на картине Босха «Корабль дураков».

Вот почему мой приезд в Пензу повлек цепь драматических событий, которые стали моей судьбой.

Материально я жила крайне трудно, особенно первые два года. Мама пересылала мне половину своей зарплаты. А равнялась-то она всего 120 рублям. То есть мы голодали. Мама – в Пензе, я – в Петербурге.

Мама, **Цыганкова Валентина Николаевна**, происходила из рабочей среды. Дедушка, **Логинов Николай Петрович**, работал столяром на **Пианинной фабрике**, находящейся в районе Маяка. Пианино «Пенза» всегда считался лучшим фортепианным инструментом провинции. Очень хорошо помню уютный деревянный дом с высоким крыльцом, с большим огородом рядом и кустами малины, за которыми можно было скрыться в летнюю жару. На Маяк я стала ходить одна очень рано, еще до школы. Мы с мамой с момента моего рождения жили на улице Ленина, в двухэтажном «швейцарском» доме, в коммунальной квартире. Путь был приличный, но я его не замечала. До Бакунина – троллейбусом, а дальше пешком, через железнодорожный мост, зимой через арку под ним, поскольку на другой берег реки перебирались по льду Суры. А дальше – до пианинной фабрики и уж совсем рядом – мой дом.

Бабушка, **Антонина Григорьевна**, уже всегда ждала меня, сидя на завалинке. Грустная и тихая. Эти ее качества навсегда стали моим идеалом. И таким родным веяло от нее, что любовь моя к ней была теплой и радостной. И меня она выделяла среди других внуков, постоянно повторяя: «Лариска умница». В те времена по утрам часто звучала песня: «Ты ко мне приедешь раннею весною, трактора мы вместе рядом поведем». И бабушка вторила, обращаясь ко мне: «Только в трактор никогда не садись». Тайно ото всех она ходила в церковь. Но об этом знали и осуждали ее, теперь уже взрослые дочери. Мама была лояльно к этому, а я искренне уважала новую бабушкину любовь и про себя произносила: «вам-то какое дело». Все это происходило в пятидесятые годы, а начиная с девяностых – я сама стала воцерковленной.

Дедушка во мне души не чаял. Устраивал для меня качели в сенях дома, позволял вгонять гвозди в щели между половицами, всегда говорил, пригубивши рюмочку: «Всех выгоню, одну девоньку оставлю».

Что касается сестер и брата мамы, – все жили разрозненно. Особенно это усугубилось после смерти бабушки, когда я была в четвертом классе. Очень хорошо помню похороны, но главным образом состояние жуткого одиночества, которое окутало меня. Думаю, то же чувствовали и остальные. Для меня же состояние оцепенения, вызванного пониманием непоправимости, невозвратности этого ухода стало первым, необыкновенно сильным ощущением драмы. В окружающем пространстве навсегда запомнила большой, красный, с щипцом кровли, дом, молчаливый и угрожающий в своем одиночестве. Возможно, это было только видение, поскольку таких построек нет и не было на Маяке. Может быть, привиделся образ храма, который сопутствовал моей жизни, начиная со студенческой поры.

Бабушка умерла, когда я была уже в Петербурге. Мамины сестры и брат ни разу не помогли мне во время моей учебы. У мамы была другая судьба, чем у них. – Отец, будучи на фронте, обзавелся другой семьей и оставил нас сразу после моего рождения. Мамины сестры были замужем, у двух старших не было детей. Брат тоже был женат. Жили все основательно. При этом к маминим материальным проблемам всегда относились равнодушно. Думаю, это не только менталитет Пензы, города купеческого и мещанского. Он в целом – российский. (Он в целом – общечеловеческий, или «в европах» все кидаются помогать своим бедным родственникам?) В нем – явные отголоски крепостного права. «Выжимать по капле из себя раба» – дано и поныне не всем. Отсюда – пресмыкание перед сильными мира сего, заискивание перед ними и лицемерие, а параллельно – травля слабых.

Мама преодолевала все наши трудности мужественно, и этому – завидовали, включая родственников. Они не понимали, зачем мне надо было учиться в Петербурге, как потом не понимали, чем я занимаюсь в художественном училище. Неприязнь не проходила, хотя мне спустя годы пришлось ухаживать за двумя тетями, накануне их смерти.

Итак, мы с мамой были очень одиноки в этом мире, но целеустремленность помогала преодолевать невзгоды. Мама была романтической и поэтической натурой. Так же, как и бабушка, любила читать стихи, петь, прекрасно зная тексты исполняемых мелодий. Дома, юной девушкой, проявляла режиссерский талант, ставя с родными «Цыган» А. С. Пушкина или «Демона» М. Ю. Лермонтова. Очень рано стала водить меня в театр. Ее подборка статей и стихов, публиковавшихся в «Правде»,

посвященных Великой Отечественной войне, очень помогла ее младшей сестре, которая преподавала историю.

Работать по вечерам, вместе с однокурсницами, я пыталась. – Например, чистить картошку для студенческой столовой. Но сырой, полуосвещенный подвал, сразу возникшая конкуренция в борьбе за рабочее место привели к тому, что большинство из нас, своими же, было отброшено из только что сложившегося рабочего коллектива. Те же, рано повзрослевшие девицы пытались подкармливать нас в общежитии за возможность спать ночью с работающим парнем, торопясь закрепиться в Петербурге. Это – самые темные эпизоды моей студенческой жизни.

На втором курсе возникла крайне опасная для меня ситуация. Во время зимних каникул, находясь в Пензе, я была прооперирована. Удалили аппендицит. И поэтому заниматься художественной гимнастикой в Университете я не могла. Справки были представлены. Но в конце учебного года руководительницы нашей секции делают меня не аттестованной. Это грозило снятием со стипендии.

Хорошо помню, как я с ужасом рванулась к заведующему кафедрой физкультуры. Он принял меня без обиняков. После моего объяснения и фразы «без стипендии я просто не выживу», он с долей иронии спросил: «Ну, зачетка, конечно, с Вами?» – Ее у меня не было. И вот через мост Строителей я мчалась в общежитие, и вновь была в его кабинете уже минут через двадцать. Он поставил зачет. – До сих пор испытываю чувство благодарности к этому человеку. Без лишних вопросов он спас меня.

Так поступал Петербург. Но его отзывчивость к нам имела и обратную сторону. – В провинции этого города боялись, несмотря на стоявшую в его центре, сразу за мостом Кирова, Аврору. Это был вольный город, выдержавший блокаду, которую не испытывал никогда ни один из населенных пунктов мира, бросивший вызов фашизму, теперь тем более имевший право первым противостоять тоталитаризму. Он стал знаком и символом свободомыслия. Он вошел в конфронтацию с чиновничьей Москвой.

И мечь столицы была шокирующей. В 70-80-е годы Петербург сделали провинциальным городом. Его непокорность была аналогична позиции Новгорода Великого, противостоящего Москве с XV века.

Именно эти два города всегда были любимы всей страной. При одном упоминании Петербурга или Новгорода Великого сердце русского человека чувствует причастность к тому духу свободы, ценнее которой ничего нет.

И эти чувства Петербурга я впитывала в себя. ореол его твердости и мужества всегда был со мной и во мне.

Город на Неве в духовном отношении жил напряженно, анализируя день настоящий, высвечивая прошлое, предугадывая будущее. Мы нравственно закалялись спектаклями БДТ. И после Университета, ежегодно приезжая в Петербург, я непременно выстаивала на набережной Фонтанки за «лишним» билетиком. На «Историю лошади» с Лебедевым попала только через три года, но уже с дочерью. То же было с Малым Театром Оперы и Балета имени Мусоргского, куда в десятые годы уже XXI века водила, предварительно договариваясь, большие группы студентов, по 30-40 человек, находящихся на Музейной практике в Петербурге. Дирекция и администрация театра всегда шли мне навстречу, поскольку я умела убедить их в том, что большинство из учащихся уже никогда в жизни не попадут на оперу или балет, поскольку самостоятельно не осият такой поездки. На что однажды директор этого прославленного коллектива сказал мне: «Ну что же, разве мы, будучи ведущим театром России, не понимаем этого? – Мы работаем на всю страну».

Но где я была чаще всего, и во время учебы, и когда впоследствии приезжала в Петербург – это Большой Зал Филармонии. Сольные выступления пианистов, скрипачей и органистов, концерты симфонических оркестров, которыми дирижировали выдающиеся музыканты Европы, и в первую очередь прославленный Мравинский, вызывали во мне еще больший отклик, чем спектакли.

Были и фильмы, которые определили мою судьбу – «Голый остров» Куросавы (первое знакомство с этим выдающимся японским режиссером) и «Гадюка», по одноименному рассказу Алексея Толстого. Первый потряс беспросветностью существования, второй – идеей контраста между счастьем и одиночеством.

Необходимо вернуться к именам наших преподавателей, пытаюсь дать им индивидуальную характеристику.

Самые теплые дружеские отношения связали меня с **Евгенией Ерофеевной Богдановой**, которая вела у нас рисунок, живопись и копирование. Однажды, когда надо было работать над графикой Валентина Серова, я выбрала портрет Щербатовой, чтобы нарисовать его. Там все построено на расширяющихся и сужающихся линиях, идущих вертикально. Все это казалось очень простым. Но пластика этих линий, сходящихся на талии и расходящихся вниз свободно и непринужденно, выдавало такую

виртуозность автора, что повторить их внутреннюю музыкальную игру казалось невозможным. Рисунок не получился. Евгения Ерофеевна была недовольна.

Но сколько такта и понимания проявила она, указывая на ошибки! Она не отбила желания рисовать, а напротив, стимулировала его. И вскоре я с огромным интересом и восхищением вникала в импровизационные рисунки студенток Штиглица, когда приходила к ним в общежитие и в мастерские. Именно там я впервые познакомилась с техникой офорта, с литографией, с рисунком акварелью «по-мокрому». И я, со своей подругой с искусствоведческого отделения, Верой Витязевой, не выглядела профаном, а ученицы прикладного ВУЗ-а воспринимали нас как равных себе.

Моя любимая преподавательница пережила страшную блокаду. Именно от нее я узнала такие подробности, которых нет даже в книге Даниила Гранина. – И что суп варили из подушечных перьев, и обмораживались в своих квартирах, и рыбий клей варили для похлебки, и что спустя годы слышала упреки по поводу рождения дочери в 44-м: «значит, было не так плохо».

Ее муж, художник, тоже работал на кафедре, но был всегда крайне неразговорчив и сумрачен. По-моему, не было счастья в этой семье. Да и кому оно выпадает в России? – «На свете счастья нет, но есть покой и воля». (А. С. Пушкин)

В Эрмитаже она показывала нам живопись Ренессанса, разбирая технологию исполнения произведений. С самого начала я почувствовала чрезвычайную важность этих занятий, и как замороженная воспринимала каждое ее слово. Она была в годах, но я и в мыслях не допускала назвать ее старой. – Она была наделена тихой и достойной красотой. Мы сблизились. Я бывала у нее дома на улице Чайковского. За круглым столом с белой скатертью она ненавязчиво преподавала мне уроки сервировки, когда все – красиво и сдержанно. Из соседней комнаты всегда слышались оперные партии. Сопрано ее дочери, учившейся в консерватории, было звонким и чистым. А Евгения Ерофеевна жаловалась, что ее певица не допускает к себе молодого человека. «Пусть терпит и ждет», – отвечала дочь.

Евгению Ерофеевну любили и уважали все. Мы осознавали, что она вводит нас в секреты самого ремесла изобразительного искусства. Без этих знаний невозможно было заниматься теоретическим анализом. Поэтому, когда я вошла в творческую группу соучениц по кафедре для организации выставки бедствующего художника, мы позвали Евгению Ерофеевну

посетить его мастерскую в пригороде, и она не отказалась; она нашла возможность поддержать его. Альберт Розин, тогда нищий, сейчас процветающий, рисовал одной линией. Обнаженные фигурки девочек, формы которых были обведены пером и тушью, смотрелись пустовато. И прав был Михаил Константинович, который, знакомясь с экспозицией, устроенной в общежитии, подвел итоги следующим образом: «Не понимаю, как можно любить древнерусское искусство и это». Он был абсолютно прав. Но это была первая встреча с художником, философствующим и не признанным. Мы желали ему известности, и он добился ее, уже без нас. Возможно, наш трепет по отношению к нему и сделал его впоследствии востребованным. Во всяком случае, это был наш первый опыт устройства выставок. Каждому он пригодился, особенно мне, когда я делала экспозиции в картинной галерее, а затем занималась, и продолжаю это делать, организовывая и устраивая выставки Виктора Буяльского.

К Евгении Ерофеевне я привела своего будущего мужа, и она, волнуясь, приняла его, и сказала мне об этом.

Умерла Евгения Ерофеевна в конце 70-х. Узнала я об этом много позже похорон.

Поразительно, что моего Виктора предугадала **Элеонора Петровна Гомберг-Вержбинская**, у которой я писала курсовые работы, занимаясь творчеством Н.Н.Ге и Н.И.Крамского. Я читала их письма, находящиеся в архиве Государственного Русского Музея, поражалась их философской образованностью, нестандартным знанием эстетики, глубиной заинтересованности нравственным состоянием общества. Однажды призналась Элеоноре Петровне, что робею, держа в руках их письма, испытываю неловкость, поскольку они направлены не лично мне. «Какая наивность», – был ее ответ. А на пятом курсе был уже диплом, над которым я работала с более глубоким пониманием самого процесса русской культуры.

Мой руководитель очень волновалась за эту тему: слишком она была авангардной, как и все русское искусство этого периода. Но ей нравилось, что я переводила Камиллу Грей и работала в архивах, теперь уже Москвы. На защите замечания в мой адрес, высказанные М.С.Каганом, возмутили ее. Она сидела как будто растрепанная, хотя это совсем не было свойственно ей. – Всегда ухоженная, аккуратная и сосредоточенная, она не искала симпатий со стороны обучающихся, но всегда была твердой, требовательной, взыскательной. А защита закончилась удачно.

Среди многочисленных ответов на экзаменах по русскому искусству помню, как мне достался Мартос. Что-то не заладилось в моем сознании с анализом его работ. Я занервничала. И она, прямо на экзамене, во время ответа, дала мне монографию о скульпторе с иллюстрациями, и я стала «выплывать», говоря о решениях художника, свойственных классицизму, с его острым интересом к переживаниям человека и к его умению, благодаря воле, их сдерживать. – Какое благородное достоинство зафиксировано художником в надгробии Куракиной! Как она преодолевает душасщие ее рыдания, останавливает их и погружается в тихое приятие своей судьбы. А надгробие Гагариной! – Оно стало памятником прекрасному человеку.

С поры того экзамена Мартос стал своим, близким, родным. Я как будто присвоила себе его наследие, в котором эстетические и философские критерии шлифуют чувства и помогают жить.

Уезжая в Пензу и прощаясь с Элеонорой Петровной, я получила от нее пророчество: «Не расстраивайтесь. Выйдите замуж за скульптора, он всю жизнь будет рисовать Вас, потом поступит в Академию, и вы переберетесь в Петербург». Вторая часть не реализовалась. Зато первая – сполна.

Самым ярким впечатлением от ее лекций был спецкурс, посвященный творчеству М.А Врубеля. Элеонора Петровна только что закончила работу над изданием переписки художника, и материалом владела безукоризненно. Все становилось ясным и трепетным в анализе приемов и самого стиля художника – и «Принцесса Грёза», и «Несётся конь быстрее лани», и «Венеция», и конечно же его «Демон», по глубине трактовки все же непостижимый, поскольку в нем воплощено сакральное.

Врубель остается для меня самым глубоким художником мировой культуры. Его образованность дала ему возможность постичь такие тайны мироздания, которые не по силам рядовому художнику. Он соединил в себе музыкальную культуру, почерпнутую от матери; выдающуюся память, когда еще в детстве воспроизвел картину Айвазовского, увиденную когда-то на передвижной выставке Товарищества в Одессе; знание классической русской и европейской литературы; декоративность цветовых решений Абрамцевского кружка, народность, так же свойственную этому объединению; замешал все это на европейской культуре, с ее ярко выраженным романтизмом и протестом против стандартно-академического; внес в русскую изобразительную культуру цветовую насыщенность мозаик Равенны и Византии; постиг такие тайны психологии, куда не заглядывали самые известные художники (портреты жены, Зибеллы-Врубель и сына).

Все в нем, как в таинственном А.А.Блоке:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, гибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полёт...

Вздыхнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пёстрой
Придуманных причин, пространств, времен?..

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

Элеонора Петровна спустя десять лет после моего выпуска из Университета уехала, вслед за своими детьми, в Европу.

Нина Николаевна Калитина. Она долгое время заведовала кафедрой после М.К. Каргера. И еще лет пять назад я видела ее имя в списках преподавателей, когда с большой робостью посетила исторический факультет. Сейчас ей 88 лет. При нас ей было всего сорок. Всегда строгая, подтянутая, требовательная и крайне сосредоточенная. Нина Николаевна блестяще читала курс по Западноевропейскому искусству. Вот мы смотрим

на нее, стоящую, руки положены на спинку стула. Идет анализ портрета Карла V с племянниками Оттавио и Алессандро (Тициан). Они подобострастно обнимают дядю-короля. Алчные гримасы на их лицах уже выдают в них потенциальных преступников, убийц старого человека, который не в силах сопротивляться. И Нина Николаевна говорит о великом психологическом даре художника, который предсказал драму, зафиксировав ее самое начало.

Так мы постигали задачи искусства, которые не должны сводиться к внешней красоте. От Джорджоне с его причесанной и нарядной Юдифью Тициан ушел в шекспировское понимание трагедии человеческого существования. И достиг художник этого своим знаменитым колоризмом, когда красочное месиво воспринимается как насыщенная разнообразием цвета и света палитра. Он заставил вглядываться в живопись, искать в ней тональное богатство, следить за энергичным движением кисти мастера, быть на волне его патетических переживаний. Таков «Святой Себастьян».

Итак, от нарядности и декоративности – к драматургии. Именно с этих лекций Н.Н.Калитиной началось наше поэтапное вхождение в понимание высших задач живописи как искусства.

Сама она специализировалась на искусстве Франции. Ее замечательная монография, посвященная Курбе, может стать настольной книгой любого искусствоведа. В ней представлена и эпоха, и взаимоотношения художественной среды, и эволюция художника от сентиментального романтика («Влюбленные») до эпического полотна «Похороны в Орнани», названного официальной прессой в середине девятнадцатого века «пасквилем» на честных буржуа. В монографии использован богатейший архивный материал, цитируются письма художника. Автор спокойно и виртуозно объясняет, что привело мастера к «Павильону реализма», по каким причинам Курбе стал знаменем молодого поколения французских живописцев.

В восьмидесятые годы Нина Николаевна с дочерью была в Пензе, посетила Тарханы. Просила сообщить мне, что остановилась в гостинице. И мы встретились. Она проявила полное сочувствие ко мне, главным образом из-за не состоявшейся защиты, и понимание трудностей в которые я была брошена по воле властных структур Пензы.

С именем **Юрия Михайловича Денисова** связаны самые светлые воспоминания. Он всегда стоял за **диапектором** нашей небольшой аудитории, и, показывая здания американских и европейских архитекторов, комментировал их так, как будто сам входил в проектные мастерские Корбюзье, Гропиуса, Райта и Мис ван дер Роэ. Он знакомил нас и с советской архитектурой. И столько боли было в его лекциях, посвященных братьям Весниным, Константину Мельникову, Ивану Леонидову за их сломанную карьеру, что эти имена стали на всю жизнь любимыми. Они вдохновляли и по причине искрометного таланта русских архитекторов 20-30-х годов, и

потому, что лектор как ученый владел материалом, был в нем. Не уходя в сторону математических расчетов и не фиксируя анализ на особенностях генеральных планов, он подавал архитектуру как художественное произведение, вводя нас в эстетику XX века, утверждая приоритет образа даже тогда, когда он был порожден новыми технологиями и идеями конструктивизма. И хотя в советском официозе в почете были дорогостоящие высотки (достаточно назвать здание МГУ), мы, благодаря Юрию Михайловичу, навсегда полюбили строгость, простоту, экономичность, но главное – совпадение образа жизни и памятника архитектуры.

Помню, как после экзамена по мировой архитектуре XX века, мои щебечущие однокурсницы пугали пассажиров троллейбуса теми звонкими именами, которых и произносить-то тогда никто не решался. – Мы тоже могли будировать публику, как это делали представители русского авангарда и европейского конструктивизма.

А в 1965-м в залах Академии Художеств состоялась грандиозная выставка американской архитектуры. Был издан роскошный каталог, каждому посетителю вручались значки с красными полосами и синими звездами. Представлены были фотографии и макеты. При полном отсутствии искусствоведческой литературы о рациональной (Мис ван дер Роэ) и органической (Райт) архитектуре другого континента, экспозиция воспринималась как глоток прохладной воды, как свежий воздух, устраняющий все затхлое, устаревшее, наносное. И в залах Академии, и вокруг нее ощущались молодость и весна. Шла оттепель. Другой вид приобрели и Университетская набережная, и Нева, и мосты над ней.

Именно тогда мы еще острее ощутили подвиг советских архитекторов 20-х годов. – Имея в наличии только дерево как строительный материал, они вывели русскую архитектуру на мировой уровень, предвосхитив, опередив американскую – на десятилетия.

Лекции Юрия Михайловича не пропускал никто и никогда. Да и как можно было решиться на это, когда мы шли к эрудиту, аскету в плане бытовых интересов, человеку высшей пробы в своей профессии.

Как он проводил музейные практики в Прибалтике и Москве! Знакомил нас не только с памятниками – с людьми, которых любил, и они платили ему взаимностью. Эти незнакомцы сразу же становились нашими единомышленниками, раскрывая многие тайны в архитектурном облике своих вотчин. Их открытость была ответом на искренность и восторженность нашего Юрия Михайловича, которому дано было право учить нас и человеческому общению.

Однажды только Ю.М.Денисов напряг нас до умопомрачения. То была обмерная практика. Наша совсем небольшая группа искусствоведов была разделена на три подгруппы по три человека в каждой. Надо было, обмерив здание по горизонтали, составить его план. Мне достался Елагин дворец. Как

это делать, никто себе не представлял. Сроки поджимали – месяц был на исходе. И за день до сдачи зачета появился чертеж, вполне приличный. Кто его сделал, мы так и не догадались. Только через несколько лет поняли, что автором непостижимой графики стал старшекурсник. При этом Юрий Михайлович был несколько удивлен нашей старательностью, но разгадке не поддавался.

Это он, наш обожаемый Денисов приучил нас входить в «закрытые» интерьеры, будь то холл гостиницы «Украина» у трех вокзалов, ансамбль Донского монастыря или Адмиралтейство в Петербурге. «Видеть, чтобы знать», – таков был неукоснительный принцип жизни мыслящего человека, который был вложен в нас уникальным специалистом, влюбленным в архитектуру. Он хотел видеть в каждом, кто учится на кафедре, – коллег, единомышленников. Он возлагал на нас большие надежды. – Мы должны были его идеи «обнародовать».

И я это делала в Художественном училище, и в цикле лекций Городского лектория, который собирал до двухсот человек.

Как и где найти слова, которые могли бы передать всю глубину преклонения перед этим человеком? – Стройный, цельный, аскетичный, с широчайшим кругозором, знающий, при каком режиме он живет и противостоящий ему дерзкой иронией. Благодаря Денисову, мы знали, что надо бороться с тоталитаризмом силой профессиональной правды. На его лекциях мы постигали ценность свободы. Он играл для нас роль А.С.Пушкина.

«Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе.

Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе».

А.А.Блок

Как не вспомнить здесь знаменитую притчу о лучшем ораторе. – Когда аудитория, слушая его, думает: «как красиво он говорит!», – это ничто. Но когда она под влиянием говорящего объединяется в едином порыве: «долой тиранов!», это значит, говорил настоящий Учитель. Но он же, Юрий Михайлович, предостерегал, что такие уроки будут трудны и опасны. – Как в воду смотрел! И с годами, все больше соглашаясь с ним, я и в своих лекциях повторяла его сакраментальное: «почему я не умер маленьким...»

Никогда не забуду эпизода своей неожиданной встречи с Юрием Михайловичем. – Веду экскурсию по Большому Петергофскому Дворцу. Кабинет Петра I с большими дубовыми резными панно, реставрированными после пожара 1941-го года. Группа большая. Вдруг в самом последнем ее ряду появляется Юрий Михайлович со спутниками, которых он привез в Петродворец. Я прерываю экскурсию, с радостью здороваюсь с ним, одновременно с великой робостью, потому что кажется, перепутала порядок, в котором надо называть архитекторов – Трезини, Леблон, Микетти... Он тоже не ожидал увидеть меня здесь, на его лице – секундное удивление, но

тут же уводит своих друзей в другие залы. Я вздыхаю с облегчением, – не пришлось сдавать очередной экзамен. Сообщаю группе, что здесь только что был мой преподаватель. Группа понимающе кивает, все улыбаются.

Петергоф мне очень нравился своей нарядной импозантностью, одновременно камерностью и роскошным каскадом водопадов, вызывающих восторг перед мастерством скульпторов и архитекторов. Впоследствии, когда я ежегодно приезжала сюда, всегда вспоминала этот эпизод с Юрием Михайловичем.

Немилов Александр Николаевич был самым аристократичным из преподавателей. Он читал курс по истории Древнего мира и Средневековью. При этом и сам казался вышедшим из немецких фресок XV века, герои которых еще не полностью возрожденческие, поскольку в них нет героического и тем более, титанического начала, – они несут на себе оттенок суровой патетической религиозности. Его черты лица, казалось, были выточены из камня. Но он был истинно русским человеком, и то, что координально отличало его от немцев, – это скрытая в голубых глазах улыбка, которая и выдавала его расположенность, мягкую участливость к миру, в котором он живет.

В лекционных аудиториях он был вдохновенным и увлекательным рассказчиком. А его искусствоведческие монографии поражают широкими параллелями, когда он поднимает пласты сакральной, философской, фольклорной культуры, дает богатейший архивный материал. Таково его исследование творчества Грюневальда. Лучшей монографии по истории искусства я не знаю. Все в ней завораживает.

Анализ Изенгеймского алтаря сродни «Реквиему» Верди. Александр Николаевич находит очень точные термины, чтобы передать и ангельскую радость, и отчаянный ужас Марии. Ее силуэт с заломленными над головой руками – это предтеча многих трагических образов XX века.

Самое первое знакомство с Александром Николаевичем состоялось во время вступительных экзаменов. Большой поток абитуриентов сдавал историю. Все было как во сне. Там, за пределами бывшего гостиного двора – летний, солнечный, искрящийся день. В длинных коридорах факультета – искусственное освещение. В аудитории – тот, от кого зависела твоя судьба. Помню, что принимавший был строг, серьезен и доброжелателен. Он не столько слушал ответы, сколько решал психологическую задачу, предводя уже окончательный результат – насколько поступающий овладеет специальностью.

Затем с Александром Николаевичем я встретила во время сельскохозяйственных работ. Нас, теперь уже студентов первого курса вывезли в Карелию, на сбор свеклы. Руки наши постоянно были в воде, дожди сменяли друг друга, простудные заболевания одолевали нас, едой были исключительно макароны. Спали вповалку прямо на полу. Одежда была мокрой и грязной. Александр Николаевич был расположен к каждому,

находил возможность беседовать с нами, поддерживать, лечить, если того требовали обстоятельства. Так, меня с острой зубной болью он тут же отправил в Петербург, и с неделю я посещала студенческую поликлинику. Возвращаться в Карелию было уже поздно – начинался учебный год.

Александр Николаевич был настолько очарователен, что его жена, **Инна Николаевна**, страшно ревновала его. Один подобный казус произошел при мне. – Я сдавала экзамен по Средневековью прямо на кафедре. Получила вопросы. Сажу, готовлюсь. Вдруг открывается дверь, стремительно влетает Инна Николаевна со словами: «Ну вот, пожалуйста». Александр Николаевич выводит ее, что-то объясняет, она вновь входит, несколько виноватая. Внимательно взглядевшись в меня, успокаивается.

Она не преподавала в Университете. Работала в Эрмитаже. Была заместителем директора Б.Б.Пиотровского. В первый год моей музейной практики, когда из Художественного училища было вывезено сто студентов, я именно у нее просила содействия в посещении хранилищ и реставрационных мастерских музея. И мы встретились, прямо в кабинете Пиотровского. Узнав о моей просьбе, директор сказал: «Приходят, как к себе домой». На что Инна Николаевна тут же парировала: «хорошо, что как домой».

Она была фронтовичкой. Прошла всю войну. Переводчица, безукоризненно владевшая языками, она вернулась в Петербург уже достаточно больной. Но вида никогда не подавала. Когда она появлялась в Эрмитажном театре на лекциях или концертах, всегда занимала последний ряд (выше всех) этого амфитеатра; казалось, что сама императрица вновь посетила свою резиденцию. В ней не было пафоса, но достоинство – царское. Когда она умерла (80-е годы), Александр Николаевич сразу сник, увял и вскоре отправился за ней.

Одним из самых любимых предметов в Университете был английский язык. С первого по пятый курс его вела **Ксения Владимировна Сиповская**, автор замечательной книги об Англии (A book of England), куда вошли не только архитектурные сооружения, с их описанием и анализом, но и биографии знаменитых художников. Еженедельно мы сдавали ей так называемые «тысячи», это две-три страницы неадаптированного английского текста. Необходимо было так же понимание, с точным переводом, газетных материалов. Вот почему «Moscow News», с политико-социальным анализом всего происходящего в мире, десятилетиями не забывались и после Университета. Госэкзамен мы все сдали блестяще – так увлекла нас Ксения Владимировна Сиповская языком, сделала его понятным для нас на всю жизнь.

Очень хорошо помню самую первую встречу с ней. Группа была небольшая, всего десять человек. И у каждого она спросила, кто где учился, какую итоговую оценку имеет в аттестате. Затем начались занятия, всегда индивидуальные, поскольку тексты в английских художественных журналах

каждый выбирал по своему вкусу. Работала она с нами поразительно добросовестно, заставляя вникать в труднейшие текстовые обороты и постоянно пополнять свой словарный запас.

Вряд ли кому из филологов удалось так овладеть иностранным языком, как это произошло у нас под руководством Сиповской. Каждый из нас и в последующие годы после Университета читал литературу на английском языке. – Я была постоянным посетителем отдела иностранной литературы Лермонтовской библиотеки, прочитывая не переведенные на русский искусствоведческие материалы.

Ксения Владимировна, вкладывая в нас свои знания, вливая в нас любовь и интерес к английскому, сама оставалась очень закрытым человеком. Как впрочем и все остальные педагоги. То есть не было никаких отвлечений на бытовую или личную жизнь. Так профессия становилась главным делом жизни. – Когда шли первые годы моей работы в Художественном училище, я, как будто чувствуя, что скоро, очень скоро, будут претендовать на мою руку и сердце, твердила как заклинание: «ни за что на свете». Так в нас в Петербурге вкладывали понятие чести, верности профессии. Все остальное было вторичным. И Ксении Владимировне принадлежит здесь очень важная роль.

Алиса Владимировна Банк. Мы не осознавали, какого уровня искусствовед работает с нами. Византия была на втором курсе, экзамен отличался невероятной сложностью. Мы еще не в силах были одолеть условность этого искусства и грандиозность философских воззрений художников. – Страна была атеистической. Мне кажется, что Алиса Владимировна испытывала глубокую грусть от нашего непонимания. Но и изменить что-либо, в пору шестидесятых годов, было невозможно. Оставалось ждать. И переход количества (ее грандиозная информированность) в качество (преклонение перед культурой Византии), состоялось, но много позже, когда я уже сама стала читать курс Византийского искусства в Художественном училище. И этот материал всегда был крайне интересен и мне, и студентам, какой бы раздел не проходили, будь это раннехристианское искусство, миниатюры Хлудовской псалтыри или творчество Феофана Грека. Его фрески мы видели ежегодно, во время музейной практики в Петербурге, откуда непременно выезжали в Новгород Великий.

Какое это чудо – фрески церкви Спаса Преображения на Ильиной улице! Храм белый, снаружи и внутри. Первое ощущение – растерянность. Откуда же богатейший иллюстративный материал в монографии Лазарева? Но под устрашающим взглядом Пантократора как бы успокаиваешься. Его гнев как залог того, что и остальное обретем. И это происходит. В приделе, посвященном Богородице, – все великое, созданное кистью этого живописца. «Троица» не такая жесткая, не такая темная, как это представлено в альбоме. И голубого здесь много, и тона прозрачны, и видно, как душа сурового

византийца умирится на Руси, как будто предчувствуя встречу с Андреем Рублевым. И столпники не выглядят предельно драматичными.

Валентин Яковлевич Бродский. Самый закрытый из преподавателей. Во всем его облике ощущался статус профессора. У него была мягкая походка большого медведя. Ухоженное лицо, сверкающее белизной. Неторопливый, обстоятельный, сдержанный, он внушал трепет своей внутренней уверенностью. Если искать параллели с богами Олимпа, именно он был Зевсом, а М. К. Каргер, конечно же, Аполлоном, но повзрослевшим.

Доверительности не было в его взаимоотношениях со студентами. Читая курс, посвященный искусству социалистических стран, он хорошо понимал, что никто из нас в Европу никогда не попадет. И поэтому в самом изложении материала ощущался оттенок «железного занавеса», которым страна отгородилась от мира. Даже он не мог предугадать, как все изменится на рубеже веков. Что касается меня, я так и осталась на всю жизнь «невыездной».

Живее наше общение было, когда Валентин Яковлевич вел курс художественной критики. Здесь неминуем был диалог, поскольку замечания и пожелания высказывались преподавателем сразу. Мою работу, посвященную творчеству Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, на материале ретроспективной выставки, Бродский оценил положительно, с удивлением услышав какие-то поэтические откровения, вызванные работами художника. С одной стороны, он отметил некоторую наивность моего анализа, с другой – правильность пути, когда есть широкие параллели.

Во всяком случае, писать о творчестве близких мне художников с годами стало моей потребностью. Благодаря публикациям в центральных художественных журналах, в местной прессе и на телевидении, в 83-м году я стала членом СХ России. Но всегда помню, что базу для этого подготовил Валентин Яковлевич Бродский.

Моисей Самойлович Каган, читавший курс эстетики, сам был воплощением самых высоких чувств, которые может вызывать человек. Стройный, подтянутый, он производил впечатление инопланетянина, случайно забредшего на эту грешную землю. В нем не было никаких резких движений или мимики, способной исказить благородные черты его лица.

Когда он, стоя за кафедрой, знакомил нас с историей эстетики или ее основными законами, он внимательно вглядывался в нас, проверяя, осознаем ли мы глубинную важность этой науки. И под этим взглядом хотелось вникать, рассуждать, запоминать и жить, руководствуясь возвышенным.

В художественном училище я периодически читала этот курс, который мне очень нравился. К трем частям издания Моисея Самойловича я присоединяла «Эстетику» Баумгардтена, и тогда область чувств, переживаемых человеком, становилась наглядной из-за осознания существующей и здесь иерархии.

У Эстетики есть одно чрезвычайно важное достоинство – она приобщает к философии, а без интереса к ней человек не может называться образованным. Как здесь не вспомнить знаменитую притчу о том, что интеллигентный человек должен отличать Бабеля от Бебеля, Гегеля от Гоголя, Канта от Конта.

Вот почему уже в первые годы своего преподавания я осваивала «Логику» Аристотеля, «Идеальное государство» Платона, учение Сократа, «Историю античной эстетики» Лосева, труды Флоренского, сочинения Блаватской, идеи Рериха и многое-многое другое.

Моисей Самойлович воспитал вкус к такой литературе, помогающей осваивать жизнь, вписываться в нее.

Античное искусство, которое вела **Александра Ивановна Воцинина**, навсегда стало сквозной темой, о каком бы периоде истории искусства не шла речь. На ее лекциях мы постигали мифологию Древней Греции, в которой так замечательно проявление героического, самой идеи титанической борьбы за совершенное жизнеустройство. Мы постигали развитие этого стиля от сакральной архаики до фольклорной (храм Посейдона в Пестуме), высокой (Парфенон на Акрополе), а затем и нисходящей (Эрехтейон) классики. Мы видели как от **Мощи** греческая скульптура продвигалась к воплощению **Величия** (Фидий), затем к **Драме** (Скопас), к **Красоте** (Пракситель) и к очаровательной **Миловидности** (Танагрские статуэтки), но соединяющейся уже с натурализмом и декоративностью. И это была гениальная схема развития любого стиля. Анализ памятников античного искусства научил нас художественным и сравнительным характеристикам, которые «действуют» во всех периодах истории искусства.

Так античность стала в нашем обучении фундаментальной, благодаря Александре Ивановне Воцининой.

Татьяна Петровна Знамеровская, еще более закрытая, чем **В.Я. Бродский**. Некрасивая, с мужскими чертами лица, она была привлекательна своей ясно ощущаемой волей и мужеством. Очевидно, что от культуры Испании она взяла строгость, аскетизм и религиозность. Очень хорошо помню ее анализ «Святой Инессы» Риберы. Она сумела донести до нас и очарование детства с его открытостью миру, и твердость характера, каким славятся женщины Испании.

Это произведение сродни **Се(И!)кстинской** Мадонне Рафаэля. Облики девочек похожи. В каждой – и удивление перед неведомым, и обида – детская, глубокая, как вечный укор тем, кто принес несчастье.

Весь ее курс, посвященный испанскому искусству, вспоминается с большим трудом, чем все остальное, возможно, из-за сухости изложения. Она пришла в искусствознание, закончив геологоразведочный факультет. Что заставило ее сменить профессию? Думаю, поэтико-романтическое в ее натуре. И конечно, знание языка, испанского. В результате мы имели дело с ученым, уникально образованным.

На старших курсах я систематически слушала лекции на факультете психологии, которые читал **И. Кон**. Позже они были включены в замечательную книгу, которая долгое время была для меня настольной, – «Социология личности». Эта наука еще только зарождалась, отношение к ней в официальных кругах было негативным. Но мы слушали лектора, затаив дыхание, таким откровением звучали его тезисы о чрезвычайной важности социума в общественной структуре, о влиянии происхождения человека на всю его дальнейшую жизнь и творчество; о том, что судьба жестоко мстит, если человек забывает, откуда он родом и, напротив, одаривает высшим проявлением таланта, если связь с социумом, породившим и воспитавшим его, сохраняется. Таким образом, верность происхождению, своей среде – это залог творческого и человеческого успеха. ■ Все так просто, в особенности идеал верности.

Мои однокурсники. (убрать)

По-разному сложились их судьбы. Знаю одно – позови кого-то, и откликнутся.

Самое сильное впечатление на меня производила **Кайя Лехари**. Приехавшая в Петербург из Таллина, она была самой образованной из нас, вот почему ей легко давались все науки, включая и политэкономия, не говоря уже о специальных предметах и английском языке. Она, тоже единственная из группы, сумела защититься, три года проучившись, сразу после Петербурга, в Московском университете.

Во время нашей учебы она научила меня логике построения конспектов. У нее это всегда было лаконично, понятно, с очень грамотными зарисовками. Каждая страница была красиво скомпонована. Мысль угадывалась сразу. И я с благодарностью дополняла свои конспекты ее записями. Уже работая в Пензе, неоднократно приезжала к ней в Москву, где она устраивала меня в общежитие на Ленинских горах. С ней же рос и ее малыш **Йоник**, который родился накануне нашей защиты. Сейчас он знаменитый в Прибалтике дизайнер.

Кайя и поныне преподает в Академии архитектуры в Таллине. Часто выезжает в страны Европы, участвуя в научных конференциях. Темы ее докладов чрезвычайно интересны, потому что неожиданны. Например, «Формы архитектуры в болотистой местности», «Архитектура и философия Неба».

Розенберг Сольвейг Эрнестовна. Такое имя могла дать дочери только очень творческая личность, какой и была ее мама. Актриса, работавшая в Народном театре, она была занята в классическом репертуаре, и дочери сумела дать возможность учиться в Петербурге. Самой Сольвейг тоже был свойственен артистизм, но не наносной, внешний, а глубоко-внутренний.

■ Светлые глаза, при этом проникновенный взгляд много знающего и понимающего человека, безошибочно точно оценивающего ситуацию. И неизменная доброжелательность, как высокого уровня воспитанность. Она не в меньшей мере, чем я, испытывала материальные трудности, и был период, когда мыла полы, но в Эрмитаже. Можно только позавидовать такому трудоустройству.

После четвертого курса мы вместе работали с ней в Большом Петергофском Дворце, проводя экскурсии. Уставали, потому что рано утром надо было бежать на электричку. Однажды я забыла проездной в общежитии, прямо на столе. И проверявший билеты кондуктор как будто увидел его – такова была сила моего внушения, моей убежденности, и не оштрафовал.

Красота парков – Верхнего и Нижнего, – скульптура эпохи Просветительского Классицизма в них, фонтаны, даль залива с кричащими чайками, роскошные интерьеры Дворца – все это было так привычно и естественно, что, казалось, дано навсегда. – «Как молоды мы были!..»

Я гостила у Сольвейг в Риге спустя три года после окончания Университета. Яркое впечатление оставили и Праздник Песни, с выступающими хорами, и концерты в Домском соборе, и улицы старой Риги.

Тогда же мы посетили Кайю, в ее маленьком приморском городке Пярну. Лежали на пляже, и вспоминали Университет. Нами уже были испытаны первые драмы. Это и трудные уроки общественной жизни, и трагическая любовь, выпавшая на нашу долю, и мучительная отдаленность от Петербурга. Мы уже пролили горькие слезы от многого, случившегося с нами. Но оказалось, что все это – еще не беда, беда впереди. ■ Нас в равной мере узурпировали те, кто был при власти. Зачем? Что так не устраивало их в нас – молодых, честных, образованных девушках, желающих работать? И о ком из однокурсниц ни вспомнишь – ни у кого не сложилась личная жизнь. Я одна была замужем, но так рано лишилась своего Виктора, что все уравнилось.

Рита Обатурова всю жизнь проработала методистом Большого Петергофского Дворца. Начало ее профессиональной карьеры было трудным. – Надо было писать каталоги, альбомы, буклеты, а подписываться вместе с директором. Негде было жить. Скиталась по квартирам, потом дали маленькую комнату во Дворце под лестницей, и только после продолжительного времени появилась своя квартира.

Рита была постарше нас, пришла на кафедру после двух лет обучения на философском факультете, держалась очень обособленно, и только спустя десятилетия мы с ней сблизились. Произошло это в Петергофе, куда я привозила студентов. Это она отпаивала их горячим чаем во время жестоких холодов, с дождем и пронизывающим ветром, после их дерзких прогулок к Финскому заливу.

За время должности методиста Большого Петергофского Дворца, Рита выпустила несколько книг, посвященных всемирно известному заповеднику.

И не было в нем специалиста более образованного, чем она. Несмотря на это, год тому назад ее уволили. – Научные кадры теперь, оказывается, не решают ничего. Это местничество неэрудированных директоров – вопиющая антигосударственная политика. М.Б.Пиотровский не пошел по этому пути. Он дорожит знающими, образованными людьми, потому что сам принадлежит к духовной элите страны. Рита перенесла этот удар стойко, как и подобает человеку с волей.

Самой эффектной, яркой блондинкой на курсе была Людмила Коровина. Это не мешало ей быть дисциплинированной, глубоко и заинтересованно осваивать все читаемые нам курсы. Мне сейчас даже кажется, что она была самой успешной студенткой. Во всяком случае, предположить у нее «четверку» на экзамене было практически невозможно. Ее основательность, сочетавшаяся с красотой, навсегда укрепили в моем сознании закон, по которому форма совпадает с содержанием. И только много позже я испытывала глубокую растерянность и недоумение, если под привлекательной внешностью таились неожиданное зло или низменные порывы. Вот почему женщинам, особенно красивым, я теперь не доверяю. Они все, как будто из греческой мифологии, как медуза Горгона. А ведь она была красавицей, но превратилась в такой ужас, что видевшие ее столбенели, становясь камнем.

Людмилу украшали ее человеческие качества. Она была добра, правильно оценивала людей и стремилась к знаниям. Самых интеллектуальных юношей это притягивало, как магнит, и многие из них испытывали к ней испепеляющую страсть.

Очень хорошо запомнился первый студенческий бал в Таврическом Дворце. Все сверкало в зеркальной галерее, как будто были зажжены тысячи свечей. Но ярче блистала Людмила. И что-то здесь было от роковой феерии, которая не дарит счастье, а отбирает его.

Во время поездки в колхоз Карелии, перед началом первого курса, мы оказались с ней рядом, и она проникновенно читала стихи, в частности «Незнакомку» Блока. В этом теперь тоже видится что-то мистическое.

Среди претендентов на ее руку победителем стал египтянин Мамдух. Он сразу же увез Людмилу в Каир, где она работала в Национальном музее, писала статьи, сотрудничала с телевидением. Но Мамдух рано ушел из жизни, и ей пришлось поднимать дочь, живущую теперь в Канаде, и сына, ведущего ныне дела за отца по сохранению оливковых рощ на громадных территориях. За эти без малого пятьдесят лет Людмила Коровина сумела собрать уникальную коллекцию европейской живописи, в том числе Дерена и Пикассо. Снимается в массовках на Каирской киностудии.

Семкина Галина Дмитриевна – самая статная, самая крупная барышня нашего потока. Кажется, что на ней всегда был зеленый, болотного цвета костюм. Выглядела она как будто только вышедшей из парикмахерской. —

Ухоженное лицо, аккуратная голова с красиво уложенными каштановыми волосами, свежий маникюр.

Когда ее спросили на государственном экзамене по гражданской обороне, сколько минут полагается мыться взводу после атомного взрыва, она ответила: «двадцать», чем вызвала гомерический хохот комиссии и всей аудитории.

После Университета Галина поначалу работала экскурсоводом в Эрмитаже, затем в Петропавловской крепости. Однажды к ней, живущей где-то в чердачном помещении, проник вооруженный грабитель. Она три часа рассказывала ему про свои трудности, и он ушел, ничего не взяв, не причинив ей никакого вреда, со слезами на глазах.

Затем, не выдержав такой экстремальной жизни, Галина уехала на родину, в Смоленск, где весьма успешно вела все издания Союза Художников. В первые годы мы с ней ежегодно встречались, когда я приводила в Эрмитаж группу студентов из Художественного училища. Мы успевали, за несколько минут, сказать о себе главное и расставались до следующей встречи. Но наступил год, когда этого уже не произошло.

Не случилось мне в том же Эрмитаже встретиться и с **Людмилой Лавлинской**, но причины здесь были более, чем трагические. Она всегда знала день, когда я приведу в музей своих студентов. И уже ждала меня в экскурсионном отделе. А в 2002-м прихожу, спрашиваю, а мне говорят, что она умерла. Я была в полной уверенности, что здесь какая-то ошибка. Но все подтвердилось. Ее, всего-навсего больной зуб, дал осложнение, и гной прошел в мозг. Эта нелепая, преждевременная смерть в еще большей мере усугубила мои потери – мамы и Виктора.

Людмила на последнем курсе уже родила сына Андрея, от которого сразу отказался отец, выпускник Военной Академии. В Витебск она не вернулась, а вскоре ей дали квартиру в Петербурге. В Эрмитаже она пыталась заниматься Востоком, но что-то не сложилось, и она на всю жизнь так и осталась экскурсоводом.

Когда поодиночке или вместе, предварительно договариваясь, мы, однокурсники, приезжали в Петербург, собирались здесь, в квартире Людмилы. Приходили и петербуржцы: Валентин Булкин, Вера Витязева, ее муж, археолог Глеб Лебедев. Это были трепетные встречи, да и гостеприимство хозяйки было безупречным.

Несколько раз Людмила просила меня устроить ей командировку в Пензу через общество «Знание» для чтения лекций. Я очень старалась выполнить ее просьбу, но всякий раз кто-то из руководства не соглашался на это. И приезд Людмилы в Пензу так и не состоялся.

С **остальными однокурсниками** связь оказалась либо очень непродолжительной, либо ее вовсе не было. Одни оставили кафедру в середине нашего обучения, – это Лина Черлинко, Нина Кремнева, Ольга Липавская. С другими связь была относительной. — Галина Хвостова стала

хранителем скульптуры Летнего Сада; Людмила Захаренко преподавала в Художественном институте Минска.

Мальчиков было всего трое. Чань Мань Фу, очаровательный, который органично вписывался в русское сообщество, в сентябре 64-го, когда началась война во Вьетнаме, в срочном порядке был взят на фронт переводчиком. Армянин Рубен пропал неожиданно, сразу после второго курса. Володя Плотников обосновался в одном из провинциальных русских городов, много претерпел, включая и пожар своего дома.

Нина Людвиговна Коложвари. Это моя особая любовь. Она была аспиранткой психологического факультета и жила в общежитии со своей маленькой дочкой Ингой. В ней ощущалась глубокая удрученность из-за неверности мужа. По этой причине она оставила Читку и переехала в Петербург. Глубоко одинокая, в нашей комнате оживала, была энергичной и даже веселой. Именно она во многом способствовала тому, что сблизилась Кайя, Сольвейг и я. Нина очень переживала за наши результаты на экзаменах. Чрезвычайно радовалась, когда заканчивалось все успешно. Она была сдержанным свидетелем либо только возникавших, либо набиравших полные обороты наших любовных отношений. У Кайи уже давно был румын Корнель, и скоро она родила от него сына, оставшись без мужа. Сольвейг была влюблена в Мохаммеда Камилла Арефа, который не осмелился ее взять с собой. Ко мне стал захаживать Равиль, учившийся в Горном институте, необычайно красивый, воспитанный, образованный, меломан, постоянный посетитель оперных и балетных спектаклей. Нина утверждала, что он души во мне не чаёт. Действительно, он был и трепетным, и верным. Но тогда я этого не знала, и визиты принимала за естественный, нормальный контакт с интересующимся изобразительным искусством человеком. Даже спустя несколько лет после Университета он передавал мне камушки в виде паруса – не алого, но зеленого.

За долгую свою жизнь я научилась ни о чем не жалеть, ибо глубоко постигла закон, по которому судьба каждого человека определяется свыше. Равиль поныне мне симпатичен, и до сих пор кажется недоступным из-за своей элегантной внешности. Я и сейчас не могу представить, чтобы он осмелился взять меня за руку. А Нина все это видела и сожалела о моей недогадливости.

Она же стала свидетелем зарождающихся моих отношений с Василием Харитоновым, который, не желая этого, сломал мою судьбу, когда я изначально, уже в Пензе, была под неусыпным контролем со стороны КГБ. Ибо за свою политическую деятельность, **(ЛУЧШЕ: за участие в борьбе за права человека) участвуя в борьбе за права человека**, он был осужден, а затем эмигрировал в Америку.

Итак, с Петербургом я простилась. Дальше была полная неопределенность.

Выражаю благодарность
Розенберг Сольвейг Эрнестовне,
искусствоведу, однокурснице,
в уточнении имен и дат,
связанных с жизнью в Петербурге

Перечень имен и страниц части «Петербург»

Каргер Михаил Константинович _____	стр.
Медведская Инна Николаевна _____	стр.
Цыганкова Валентина Николаевна _____	стр.
Логинов Николай Петрович _____	стр.
Логинова Антонина Григорьевна _____	стр.
Богданова Евгения Ерофеевна _____	стр.
Гомберг-Вержбинская Элеонора Петровна _____	стр.
Денисов Юрий Михайлович _____	стр.
Немилов Александр Николаевич _____	стр.
Немилова Инна Николаевна _____	стр.
Сиповская Ксения Владимировна _____	стр.
Банк Алиса Владимировна _____	стр.
Бродский Валентин Яковлевич _____	стр.
Воциннина Александра Ивановна _____	стр.
Каган Моисей Самойлович _____	стр.
Знамеровская Татьяна Петровна _____	стр.
Кон Игорь Сергеевич _____	стр.

Лехари Кайя Эрмовна _____	стр.
Розенберг Сольвейг Эрнестовна _____	стр.
Обатурова Маргарита Ивановна _____	стр.
Коровина Людмила ... _____	стр.
Семкина Галина Дмитриевна _____	стр.
Лавлинская Людмила ... _____	стр.
Коложвари Нина Людвиговна _____	стр.

Приложение

Мои субъективные и временами объективные воспоминания о первом курсе, (поставить запятую) или Who was Solveig Rozenberg

Со средней школой я рассталась весной 1960 года. Все куда-то поступали. Я для себя ничего не решила. Купила в книжном магазине **Справочник для поступающих в вузы** (всесоюзный) (поставить кавычки). Так как одна знакомая из Бауска училась в Ленинграде в Институте культуры им. **Н.Крупской**, присылала открытки с видами Летнего сада, на каникулах много рассказывала о студенческих буднях, мои взоры, разумеется, направились в ту сторону. Правда, мой двоюродный брат закончил институт им. Горького в Москве, но этот город тогда казался менее привлекательным. Да и билеты в Ленинград были дешевле. Так я листала страницы с названиями вузов. Моя одноклассница училась там на ИТ специалиста, но мне это было совсем чуждо, меня влекло к искусствам. Пару лет я училась в детской музыкальной школе, моя мама была связана с театром, позже с художественной самодеятельностью, но все-таки ставила оперетты. В 8-ми км от Бауска находилось строение Растрелли – Рундальский дворец, правда, его лишь после 60-х стали приводить в нормальный вид, говорят, что скоро закончат... Он, как магнит, притягивал меня к себе.

Все это было(и) предпосылки моему(го) выбору(ра) искусствоведения в Ленинградском университете.

Время – хрущевское. Немного улучшилось материальное положение. Вэн Клайберн завоевал не только Москву, но и Ригу. В 1961 году – полет Гагарина... И мне тоже захотелось чего-то грандиозного. Ведь я была лучшей ученицей в классе, это по размерам Бауска, а тогда там проживало около 8 тысяч – всего. Весьма средне подготовленная, собрала вещи и отправилась. Поселили в общежитии на Смольном. Раковина с краном холодной воды в коридоре. Ночью – нападения клопов, с такими «зверями» не была знакома, не знала, как с ними бороться... Первый экзамен по

истории. Конкурс для поступающих без стажа работы – 18 из 20 баллов. Получила по истории на экзамене 4. Собрала вещи и отправилась домой. Не хотелось позора – увидеть список поступивших без моей фамилии. Гордость! Документы из архива позже мне достала одноклассница. Быстро оформилась на работу, чтобы набирать стаж. Работа, конечно, вдохновляющая: сперва я фасовала огурцы в 3-х литровых банках, потом устроили лаборанткой кабинетов химии и физики в средней школе. Потом – уборщица в музее. И опять в Ленинград. Но вновь без стажа. На этот раз не добрала один балл для бесстажников. Поехала домой. Стала экспедитором по доставке кинофильмов из Риги в Бауский район. Пара авто-аварий, после чего были трудности с памятью. Но стаж заработала, экзамены сдала. Оставалось собеседование по истории искусств. Что-то мерещится, словно сон – было ли у нас собеседование после поступления на истфак с В.В.Мавродиным? Не помню, ярче сохранилось собеседование с В.Я.Бродским.

Здание истфака было в лесах. В глаз попала соринка под верхнее веко. В нашем здании была студенческая поликлиника. Но моя застенчивость помешала туда обратиться. Так и пошла на собеседовании – один глаз нормальный, другой все время слезился, вид как у кота Базилио... Так я и смотрела на В.Я.Бродского, рассказывала о своем тяготении к искусству... Позже подошла к списку, попросила одного парня прочесть вслух ЭТУ фамилию. Он прочел, спросил, в чем дело. Ответила – ЭТО я... У доски познакомилась с Галей Хвостовой, позже оказались с ней в совхозе в одной группе. Да, на этот раз общежитие при поступлении было на Добролюбова, рядом с нашим будущим, родным. В моей комнате была и Люда Захаренко. Она не переставала всем напоминать, что ей еще 16 лет, что школу она закончила с золотой медалью, что папа – военврач из Бобруйска. Думаю, что все это она говорила и на экзаменах, в итоге она набрала 20 баллов. Правда, позже на экзаменах ей так не везло. После собеседования появился ее папаша, но более всего меня поразило ею сказанное, что нет смысла идти в Эрмитаж, ибо все уже знакомо по репродукциям...

Поехала домой оформить увольнение, собрать вещи. Вернувшись, искала, где жить, так как меня приняли без общежития. У Московского вокзала нашла бабушку с лишней комнатой в коммуналке. Правда, после совхоза за хорошую работу нам дали общежитие за счет уплотнения. Нас, кажется, было 11 человек в комнате, Галя-философ – на раскладушке... Первое время держались вместе, совхозные ребята-историки вечерами приходили пить чай. Спасение – рабочка. Но нам, начинающим, доставались места подальше от

окон, неудобные. Со временем научились занимать более удобные места с видом на Неву. И еще я полюбила бродить вечером по городу. Одна. Грелась у огня на Марсовом поле. Смотрела в окна. Думала, что нигде меня не ждут, никому в этом большом городе я не нужна. Но пора было возвращаться в комнату со столькими малоприятными девушками. Спасение – театры и концерты. После получения стипендии научилась приобретать дешевые билеты, иногда куда-то шла 2-3 раза в неделю. Такой поток новой информации могла выдержать лишь первые два года. На третьем начались проблемы со здоровьем, когда стала по рисунку определять душевное состояние Врубеля.

Сколько нас поступило, 15 душ (?) – Вова Платонов и Чань Мань Фу тоже тогда были. Две резко отличающиеся группы – ленинградки – холеные, домашние, уже насытившиеся искусством и светской жизнью. Лина Черлинко, с бархатной коричневой кофтой, сменной обувью в Эрмитаже, такая ленивая кошка, которая выбрала почему-то меня жертвой, особенно весной первого курса. Ей хотелось, чтобы я после концертов и спектаклей звонила к ней домой и докладывала о своих впечатлениях. Я с провинциальной наивностью не сразу это раскусила, каких-то пару месяцев звонила и долго рассказывала, почувствовав в себе будущего искусствоведа... Она так и не поняла, почему это прекратилось.

Еще были Аня Вельмицкая и Оля Липавская – тоже ленинградки. И как закончилось их обучение – из-за академической (хронической) неуспеваемости друг за другом они были отчислены. Была еще Нина Кремнева. Она бала проще, доступнее, приходила к нам в общежитие, смотрела с «белой завистью», вероятно, у нее дома были проблемы. Она носила в сумке наточенную вязальную спицу – холодное оружие, рассказывала, как однажды ей пришлось вынуть спицу лишь до половины, чтобы опасность миновала.

Остались мы – приезжие провинциалки, у которых была цель – учиться в Питере. Позже к нам присоединили парочку с вечернего отделения, но об их роли – потом. До сих пор не могу понять, в чем было дело, может, быть считали, что в Ленинграде слишком много искусствоведов. Как могли выпускницы хороших питерских школ, имевшие доступ в такие прекрасные библиотеки, наконец, выдержавшие конкурс для бесстажников, погореть на экзаменах, которые мы, приезжие, из общежития, все-таки сдавали?!

Университет и преподаватели посвящали нас в академические науки и научное мышление; по-моему, чисто практических занятий было очень мало,

только намеки-зарисовки того, как бы это все в определенных условиях могли мы делать – писать рецензии, анализировать арт-факты, работать в музее и т.д... Но они убедили нас в том, что мы – искусствоведы – должны все и вся постоянно анализировать, препарировать. Очевидно, отсюда у меня вечное стремление копаться в своих чувствах, настроениях, что в конце концов мешало часто принимать правильное и, главное, постоянное решение... Но на всю жизнь запомнила и пыталась осуществить тезис, по моему, В.Я.Бродского, – «О красоте не надо говорить красиво»...

В то же время в общежитии мы получили закалку на всю жизнь, сами совершали кучу ошибок, были знакомы с ошибками других, часто в них принимали участие. Одним словом – общежитие; лишь на последних курсах нам удалось скомплектовать комнату из почти единомышленников. Алла Малиновская, по моему, все же была чуть в стороне от нашей тройки – Лариса, Кайя и я... Жаль, что не сохранили нашу стенную газету – ЛАКАЛСО. Помню, как Марк Петров и Гриша Голдовский приходили к нам и с удивлением читали эту газету, возможно у Марка даже изменилось мнение о нас... Но это было на последних курсах.

Лариса, ты права. Очевидно, все мы на первом курсе были страшно одиноки. Возможно, к концу первого курса у некоторых стали определяться единомышленники. Ты, Лариса, по первому впечатлению, была совершенно домашним, сбереженным и защищенным от действительности ребенком. С очень прямой спиной и коричневым бантом. К тебе грязь общежития не приставала, иногда мы, твои приближенные, старались тебя от нее защитить. Правда, на пятом курсе, живя с тобой в одной комнате, когда все мы вышли на финишную прямую в университете и в Ленинграде, когда у всех нас нервы были на пределе, я часто была несправедлива к тебе, вероятно, были и стычки, и разговоры, которых можно было бы избежать. Прости! Меня всегда поражало Твое сближение, хорошо, что не на долго, с чуждыми тебе, которые затем предавали и которых я бы не желала видеть в кругу своих знакомых; яркий пример тому – Вера Витязева. Ты была такая чистая, нетронутая, что, как магнит, так и привлекала потрепанных жизнью.

С Кайей было иначе. На первом сборе нашей группы после поступления и, очевидно, после совхоза, я с чисто провинциальной «раскрытой душой» пошла к ней и заявила, что, оказывается, мы обе из Прибалтики! Но – меня остановили два «айсберга» – не могла представить, что у 18-летней девчонки могут быть такие холодные голубые глаза. Помню, писала маме, что с Кайей вряд ли за все время учебы найду общий язык... Но какие-то намеки на

сближение были уже весной первого курса, хотя в первой экспедиции мы вместе не жили. В остальное время у нас были разные периоды отношений: то ближе – ночные разговоры на подоконнике на лестнице; то лишь формальные – на занятиях.

Я все время думаю, если бы на кухне и на лестнице прикрепили скрытую камеру, то сюжетов для душераздирающих сериалов хватило бы надолго...

Помню, как на пятом курсе Людю Коровину (Марику) не хотели в Москве пустить на самолет по студенческому, сказали, что она не похожа на ту, первокурсницу... Это можно было сказать о всех нас, мы кардинально изменились не только внешне, но и внутренне. Словом, как говорили классики, превращение ребенка в человека (обезьяны в человека)...

Разные периоды сближения и отдаления у меня были также с Галей Хвостовой. Еще сохранились фотографии с ее свадьбы. Она очень изменилась, когда ждала Марину. Тогда я часто приходила к ней в маленькую комнату на 3-м этаже. Помнишь, как мы на электричке ехали к ней в Песочное? Она варила для нас украинский борщ... Правда, тогда мы могли пожирать все, что нам только давали. И она, наверно, была первой, которая предала идеалы нашей группы (кафедры) и ради дальнейшей карьеры вступила в партию. Наверно, поэтому ее и сейчас так наказывают проживающие в Питере сокурсницы, ограничивая контакты с ней. Правда, мне бы хотелось встретиться с ней, посмотреть, что сделала с ней жизнь.

А Нина Коложвари? У нее я научилась, держа ребенка на руке, ее дочь Ингу, варя кашу, говорить о философских проблемах. Она часто смотрела на нас, понимая, что нет смысла нам что-то говорить, рассказывать, по своему опыту зная, чем кончатся наши приключения, увлечения, ведь она была старше и опытнее нас. Но свежую капусту с подсолнечным маслом и солью она жарила великолепно! Теперь мой сын часто так делает.

Жестокая школа жизни. Иногда думаю, какими бы мы стали, если бы не разговоры и беседы, которые оказали на нас такое влияние? Какими бы мы были, если могли жить в нормальных, более изолированных условиях? Выдержали ли (бы) мы этой(у) свободы (как ленинградки нашей группы) или стали такими бы целенаправленными, как Инна Медведская?

Размышления о преподавателях и учебной программе в целом

Не знаю, кто из нас до поступления был знаком с учебной программой искусствоведения. Мне казалось, что будут хоть спецкурсы по истории театра, кино, музыки. Ведь это тоже составные части искусства. НО... Вероятно, ленинградцы знали. Я поняла, что не сдам экзамен по рисунку ни в Академии художеств, ни в Риге. Поэтому выбрала университет. Правда, не с кем было советоваться. Самая большая удача – это Эрмитаж. Я убеждена, что этот музей правильнее всех мировых музеев организован для ознакомления с историей не только искусства, но и развития цивилизации. Не могу понять, почему многие преподаватели не использовали экспозицию Эрмитажа для ознакомления с культурой Первобытного общества, Китая, Индии. Помнишь этого толстоватого мужчину, который лекции по Индии начинал: «Пенджаб, пен – пять, а джаб – река...». Исключение – А.В.Банк, которая повела нас смотреть не только шумеров, но и миниатюры в фолиантах Византии...

Конечно, средние школы были разные, но лично у меня не было никакого представления о методике учебы, конспектирования, работы с книгами. Я «крупно» погорела на Первобытном обществе. Помнишь, у преподавательницы была экзема, которую она пробовала скрывать густым слоем крема и пудры, на меня она смотрела с открытым презрением, ее любимым «коньком» были вопросы о моно- и полигамии, особенно молодым краснеющим девицам. Конечно, программа предмета мне не досталась, была куча разных и противоречивых книг. В результате – тройка. Первая (возможно, поэтому за диплом сочли нужным мне поставить вторую тройку). И откуда я, девчонка из глубокой провинции, могла бы иметь представление о теории Моргана и других нюансах споров о происхождении и эволюции человека...

Следующее – совершенно бесполезны для нас были лекции по археологии, когда профессор, соперник нашего Папы, (забыла фамилию, кажется, М.И.Артамонов) рассказывал о проблемах в современной археологии. На его лекции приходили археологи старших курсов... Нам бы это все после первой экспедиции...

В.Я.Бродский был первым, который водил нас по Эрмитажу, конечно весьма поверхностно, но не знаю, как нам, тогда еще мало сведующим

(малосведущим), можно было бы все это давать иначе. Но позже о Рембрандте он рассказывал блестяще! Правда, его собственные работы на выставке ленинградских художников были скучные, слишком «правильные». Участь ученого человека!

А.И.Воцинина – блестящая, сведущая: «как я об этом писала в моей книжке»... Как сквозь туман кажется, что диапозитивы показывал Гриша Голдовский... (До Греции я так и не добралась, но Рим посмотрела. Но, когда во время преподавания истории искусства в одном частном недолговечном вузе рассказала об Акрополе, комплексе, расположении и т.д., одна из студенток заметила: «А помните, какие чудесные закаты над Парфеноном?..» Конечно, я согласилась с ней, спасибо Воцининой, я просто цитировала ее книжку).

Самое яркое впечатление на все время обучения оставила Ксения Александровна Сиповская. Помнишь, как она деликатно говорила: «Комрад Стешенко, у вас великолепное йоркширское произношение»... А бедный Вова хватался за очки, не понимал, радоваться ему или краснеть... До сих пор считаю, что Кайя могла сдать аспирантский экзамен в МГУ по английскому без подготовки.

Не помню, Папа уже читал нам на первом курсе?

Конечно, История, особенно В.В.Мавродин. Когда я сдавала экзамен по истории Древней Руси, должна была рассказывать об ИСКУССТВЕ ЕМУ, сначала он взял мою зачетку, написал «отлично» и стал терпеливо выслушивать мое бормотание. А я сидела перед СВЕТИЛОМ науки, такая беспомощная, смущенная...

Кайя в стенгазету курса нарисовала профессора по Средним векам Гуковского. Великолепный типаж для позирования... Мы все надеялись, что он этого не увидит... А я слушала, как он ходил по Эрмитажу с группой иностранцев, одновременно разговаривая на разных языках, так, без перехода. Это – отблеск на нас тех замечательных преподавателей, которых мы имели или не имели счастья слушать.

А Юрий Михайлович Денисов – целая глава в нашем обучении! Думаю, что не только на Кайю, но и на меня он оказал самое большое влияние. Помнишь, у него всегда хватало времени возить нас по улицам и закоулкам Питера, показывая архитектуру в природе. А его фраза: «Как вы (запятую!) может быть (запятую) знаете и даже понимаете...» А поездка в Москву?! Целое событие. Помнишь, как ехали в Замоскворечье смотреть дворики 19 века? И как он жалел, что не смог поехать с нами в Киев! Мы должны были

ему рассказывать о своих впечатлениях... А вечерняя прогулка по Павловскому дворцу, когда в 6 часов вечера в анфиладе начался перезвон всех часов? Когда я была в последний раз там, заглянула, но часы молчали... Как говорил Райкин: «Есть, конечно, но уже не то»... Но тогда Павловский парк уже совсем темным вечером шумел великолепно. Денисов нам рассказывал о принципах посадки деревьев, хотя было совсем темно. Но я все помнила: Павловск, как стрелка Кировских островов, были моим убежищем, когда мне было очень плохо, надо было лезть в нору и зализывать раны (душевные). Но главное, Денисов умел нам дать основы понимания архитектуры. Это мне часто помогало: студентам и школьникам вкратце объяснять чертежи, строения, века.

Папа Каргер? Сложно. Куча противоречивых впечатлений. Ведь я была в экспедиции в Полоцке, там надо было жить с ним бок о бок, целый месяц. Ему очень хотелось меня унизить, поставить на место; по-моему он, как и Каган, не верил женщинам в науке. Отчет по экспедиции я сделала просто отличный, он даже похвалил, не смог придрасться. Но... В итоге по древнерусскому искусству у меня было «хорошо», и не без его участия я получила тройку по диплому... Однако следует признать, что по древнерусскому искусству он дал нам очень хорошие знания.

М.С.Каган? «Светило», который(ое) непрестанно напоминал(о) нам об этом. Высокомерный, отлично знающий свой предмет, умеющий доводить его до нашего сознания. И первый уважаемый мною человек, который меня «сравнил с землею», сказав, что лишь Дмитриева может что-то делать в науке. Он отказался быть руководителем моей дипломной работы. А я лишь захотела разнообразить свои знания, сосредоточась на теории. И меня отдали Бродскому, а ему было «как-то все равно». О результате я писала.

Знамеровская, Татьяна Петровна. Женщина с мужским мышлением; построение лекций и изложение материала – с железной логикой. Геолог по первой специальности. Я показывала диапозитивы. И мне было обидно, когда на экзамене она придралась к какой-то мелочи, которую я не записала (не могла записать), поставила «хорошо», потом вспомнила о диапозитивах, закусила губу, но не извинилась, оценку не изменила... Галя Хвостова с ней поддерживала связь после окончания университета. Она рассказывала, что после кончины мужа Знамеровская подарила ей книгу с дарственной надписью, а через пару недель Галя в газете прочла некролог и поняла, что Знамеровская последовала за мужем.

Гомберг, Элеонора Петровна. По-моему, противоположность Знамеровской. Кажется, ее первая специальность была филология, поэтому она была мягче, человечнее. Я писала у нее курсовую на втором курсе, о скульптуре Шубина. Случайно нашла брошюрку с хорошей схемой анализа скульптуры, использовала и получила «отлично».

Теплые воспоминания о преподавателе по спорту Лидии Васильевне. Так как в школе я повредила связки колена, меня определили в спецгруппу (запятую) где мы занимались почти всеми видами спорта, обещали дать свидетельство физ.инструктора, но не дали. С нашего курса там еще были Элла Урусова, с которой мы катались на коньках (у нее тоже было повреждено колено), и маленькая горбатенькая ленинградка, которую бабушка годовалой уронила. Лидия Васильевна нам объяснила, что сразу, при правильных занятиях спортом, горб можно было излечить... Лидия Васильевна была блокадница, любила со мной разговаривать. Однажды направила меня одну на Кировские острова проехать нужную дистанцию на лыжах, будучи стопроцентно уверена, что я это сделаю. И я это сделала.

Калитина, Нина Николаевна. Она совмещала французское искусство и советское.

Помню занятия по живописи. Мне нравилось все. Если бы так со мной занимались в школе, могла бы стартовать в Академию художеств. Помню, как ты, Лариса, сидела в кресле на столе, немного развернувшись, а мы делали наброски углем – за 10 минут. Богданова Евгения Ерофеевна. Так много ценных сведений получили от нее. За этюд с тобой она меня похвалила...

Музейная практика в Русском музее мне показалась скучной. Сидела среди прялок, без толка их рассматривала... и все.

Об археологической практике можно было написать целую книгу. Как принято было в перерыве между раскопками окунуться в Ставке, дна нельзя было достать. Однажды, очень жарким днем, почти рядом со мной плавал САМ Валя Булкин. Может быть, боялся оставить меня одну, мало ли что...Но мы молчали. Здесь же звучала и «лебединая песнь» Чань Мань Фу, которую он исполнял перед отъездом на родину. Перед засыпкой раскопок я спросила Кирпичникова, надо ли на этом участке найти что-нибудь, или ЭТО была улица? Он тихо ответил, что не надо ничего находить, чтобы вовремя закончить раскопки.

Наверно, на этом можно остановиться. Моя беда была в том, что не смогла ориентироваться в обилии материала. У меня не было «доверенного лица»,

человека умного, к которому я бы могла обратиться за советом. Я со своими провинциальными, неровными знаниями все время «плавала», это ярче всего сказалось на дипломной работе, в которой я собрала огромное количество литературы, но не сумела отобрать главное.

О личном

Я в последнее время часто думаю о прошлом, событиях. Нам советовали учиться анализировать все, что попадает на нашем пути. Так я и увлеклась препарированием себя, друзей, недругов и т.д. Часто спрашивали совета у таких же «зеленых», неопытных, как мы. Это – результат слишком тесных контактов, но и неизбежно в таких условиях. Не было того, что сейчас умно называют «личным пространством». На пятом курсе при людях я боялась думать о чем-то личном – казалось, что могут подслушать...

Если бы Мохаммеду тогда дали работу в Москве от ливанской газеты, наверно, остались бы вместе. Но он очень хорошо понимал, какая жизнь там ждала бы меня. Он даже не знал возраста своей матери... В Египте на многое тогда смотрели либеральнее, но каково сейчас Люде Коровиной, не знаем.

Но я его, Тигра, помню, вспоминаю. Особенно весной, когда в Питере белые ночи. Через несколько месяцев после нашего расставания я видела сон, что он сидит за очень толстым стеклом и плачет, я никогда не видела его плачущим. А мы с Джавадом стоим, хотим ему помочь, но он уже нас не видит... Интересно, встретились ли они еще когда-нибудь?.. А я получила лишь одну открытку. «Твой тигр стал зайчиком».

Не ужилась бы я и с Валею Булкиным. Очень своеобразный человек. В обоих вариантах жена должна следовать на два шага позади за мужем, но я как истинная советская женщина, этого не умела. И сейчас тоже. Так что тебе в личной жизни везло больше моего.

И все же эти пять лет было лучшее, что со мной случилось. Правда, были потом еще хорошие отдельные моменты, а главное – рождение Юры, его детство.

Сейчас я – динозавр, антик. Можно назвать меня и «старой», от этого суть не меняется. Я – на финишной прямой. Но ее длина – не известна.

P.S. Вряд ли ты сможешь воспользоваться моими воспоминаниями. Они очень личные по сравнению с твоим «Петербургом», у тебя более академичный вариант. Мне так писать мешает слишком образное мышление.

Прости за язык и ошибки, ведь русский для меня второй язык...

Сольвейг Розенберг, искусствовед.
Кафедра **И**стории **И**скусства
Санкт-Петербургского **У**ниверситета.

Время учебы 1962-(-)1967

II. ОТЧИЙ ДОМ

О возможности работы по специальности, **(не нужна)** в Художественном училище Пензы я узнала, как это часто бывает, совершенно случайно. Шли зимние каникулы моего последнего, пятого курса. Мы с мамой были в гостях у ее родной сестры, Логиновой Веры Николаевны. Проблема с трудоустройством стояла остро, ибо наш выпуск, полностью, намеревались отправить в Казахстан. Ехать туда никто не хотел, и все срочно стали подыскивать место работы. Я была в полной растерянности от происходящего, совершенно не зная, как повернется моя судьба. И вдруг Вера Николаевна говорит, что ее сосед – завуч Художественного училища, и что надо с ним поговорить.

Комаров Алексей Михайлович

Не уверенная, что дело может закончиться положительно, я постучалась в его дверь. В первую минуту он показался мне очень официальным, но узнав, в чем дело, обрадовался и сказал, что очень нужен искусствовед, поскольку нынешний преподаватель, выпускник Академии Художеств, отработав три года, покидает Пензу и уезжает в Петербург. Какая-то необыкновенная легкость была в том, как быстро все устроилось.

Так я познакомилась с тем, кто до самой своей смерти оберегал меня и защищал. Мягкий по-домашнему, простоватый, с несколько ироничной улыбкой на губах, он был снисходителен и осторожен. Это шло от того, что он, не будучи художником, угадывал шаткость своего положения. Но художественное чутье ему было присуще, и он дома делал макеты крейсеров и кораблей. – Красивое занятие! Я никогда больше не была у него в гостях, но он симпатизировал мне по-отцовски.

На работу в Художественное училище я была принята 1-го августа 1967 года. Мне только что исполнилось двадцать три. Директор, Римма Васильевна Анохина, распорядилась дать мне большую нагрузку, и это радовало, поскольку зарплата становилась вполне приличной, особенно в сравнении со студенческой стипендией в 33 рубля (повышенная была 45).

Когда я в первый день вошла в училище, открыв его роскошную дубовую дверь, смущение охватило меня. Здание, как памятник архитектуры, самое красивое в городе, вдохновляло. Но страх перед неизвестностью – коллективом преподавателей, студентами был неодолим. Преодолевала я его много лет.

Первыми, с кем встретилась, были Худяков Василий Иванович, с его расположенной и ободряющей улыбкой, и Молчанов Борис Николаевич, тогдашний директор Картинной галереи, которая располагалась в здании Художественного училища. Именно Молчанов произнес фразу, которая насторожила меня и даже обидела: «чувствую, Вы здесь навсегда». – «С какой стати?» – подумала я. – Сердце рвалось в Петербург. Надо ли объяснять, как долго продолжалось это состояние? Оно длилось годами. Ночами я лежала пластом и плакала. Тайна слез... В них нет позорного, но это – и предугадывание будущего. Так же плакала я в ЗАГСе, во время регистрации нашего с Виктором брака.

На посту завуча Комарова **А.М.** (инициалы всегда перед фамилией! Это же не официальный отчёт, не документ) в том же, 1967-м году, сменила Ханонкина **Д.Л.** Она проработала в этой должности двадцать лет. Ее отъезду в Израиль предшествовала какая-то дикая, не цивилизованная борьба за эту должность. Гадости говорили в лицо. Среди претендентов были: Жаков **Г.В.** и Кузнецова **Л.Д.**, которая была уверена в своей победе. Но авторитет Жакова как педагога, его в целом мужественная позиция, хотя часто он был несправедлив и падок на оскорбления, взяли, к счастью, верх, и он занимал эту должность почти до самой своей смерти, **которая последовала** (убрать) в 2011-м году, 23 ноября.

Жаков Герман Васильевич

Взрывной характер ему прощали, поскольку не было в училище, начиная с семидесятых годов прошлого века, педагога более талантливого. Он был гениальным методистом, умел выстроить последовательность задачи, толково ее объяснить. Выработывал хороший вкус, едко высмеивая тех, кто в рисунке увлекался мелкими деталями, а не работал большими массами.

Герман Васильевич получил классическое образование, закончив Суриковский институт, всегда справедливо гордился этим **и был на голову выше всего педагогического коллектива.**(корректно ли это высказывание? **Ведь им Вы обижаете всех остальных преподавателей**) Он чем-то напоминал Сергея Есенина. Это был хулиган, пришедший в культуру не в очень благоприятное время. Вынес много несправедливого в отношении себя. Например, **выставком восьмидесятых** (не поняла), когда ему осмелились сказать, что «краски дорогие, и лучше оставить поприще художника». К тому времени у него уже был сильный авторитет в училище, а он, слушавший это,

сидел рядом со своими бывшими учениками и «друзьями». — Никто не возразил, не защитил. Оратором был представитель из Москвы.

Наши судьбы с Жаковым оказались похожими. Меня **гнобили** и **узурпировали** по полной программе. В первый раз это случилось, когда в самом начале своего преподавания я прочла пятому, выпускному курсу, знаменитую речь Альбера Камю, которую он произнес при получении Нобелевской премии. Она была посвящена разоблачению социалистического реализма в нашей стране и содержала вывод о том, что этот реализм — идеализирующий. Тут же нашелся студент, который донес на меня, состоялось партсобрание, меня поставили «на ковер», жестоко выговаривали о недопустимости подобного и попытались лишить первой моей музейной практики, то есть поездки в Петербург. Наказание было чрезвычайно суровым, по крайней мере для меня. Но через неделю-другую все улеглось, и в город на Неве со студентами я поехала.

Второе сильное потрясение я испытала на общем собрании Союза **Художников**, когда тогдашний его председатель, Владимир Орлов, **(поставить запятую)** посвятил мне свой доклад, в котором я обвинялась в несоблюдении принципов марксистско-ленинской эстетики. Сам он был человеком крайне недалеким, очень чванился своим председательством и не допускал меня к Союзу. И я, как и Жаков, тоже оказалась без защиты. Агрессивность была всеобщей. У меня было ощущение, что все рухнуло, но воля к жизни взяла верх, и я выстояла.

Очень напряженным было принятие меня в Союз Художников. Я развернула большую выставку с моими публикациями. Одних это удивило, других — шокировало: для них это было неожиданностью. Однако силы, препятствовавшие мне, наделенные властью, **веди** сильную агитацию против моей кандидатуры. Пытались достучаться и до Москвы. Но и здесь как-то обошлось.

Меня старались обвинить в идеологических ошибках, и неприятности следовали одни за другими. Периодически приходилось всему этому противостоять, и каждый раз я сосредотачивалась на работе.

Вот почему, никогда не будучи в личной дружбе с Жаковым, мы ощущали духовное родство. Когда я ставила спектакли на сцене Актового зала Художественного училища, он всегда принимал в этом участие. В один из первых таких вечеров, посвященных русской поэзии, он читал Сергея Есенина. И когда, сравнительно недавно, я смотрела на Сергея Безрукова в моноспектакле «Хулиган», во всех движениях, в пластике актера, в его

интонации, мимике, я узнавала непокорность и лиризм Германа Васильевича. В постановке, посвященной Александру Блоку, он читал «Скифов». Принял участие и в сценическом воплощении поэзии Великой Отечественной Войны.

Затем инициатива в постановке спектаклей перешла к студентам. Несколько лет существовал театр «Пегас», которым руководила Надежда Кормановская. С ее уходом из училища он прекратил свое существование. Но в девяностые годы, когда я стала проводить студенческие конкурсы, посвященные Истории Искусства, к театральным постановкам вновь возродился интерес. Это были и «Живые картины», и фрагменты классических литературных произведений, например, «Моцарт и Сальери».

На рубеже веков я обязательно выводила на сцену свои группы, в которых была классным руководителем. Это были самые разнообразные постановки. – Мы «играли» и замечательную сказку Леонида Филатова «Про Федота Стрельца, молодого удальца», представляли «Историю государства российского» Алексея Толстого, сонеты Шекспира, читали стихи, посвященные шедеврам мировой живописи (портрет Струйской Рокотова, «Менины» Веласкеса, картины Босха, «Девочка на шаре» Пикассо, его же «Герника»...), представляли в лицах «Приданное» Дмитрия Кедрина и многое-многое другое. И всегда самым заинтересованным, доброжелательным зрителем и слушателем был Герман Васильевич.

Выход на сцену учащихся мне казался очень важным. Я всегда приравнивала это к классическому образованию, поскольку, стоя перед рампой, человек учится владеть собой, не зависеть от настроения толпы (зала), пластично двигаться, слышать партнера. Таким образом, сцена учит самостоятельности, достоинству и человеческому общению. Герман Васильевич всегда внимательно следил за этой моей работой и поощрял. И хотя против меня у него были выпады, и довольно грубые, мы с ним все-таки шли в одной связке, не заискивая перед начальством и полностью посвящая себя работе.

Помню, как во время большого застолья преподавателей накануне одного из праздников, запели «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...», и я вышла из зала вся в слезах (прошло три года после смерти Виктора), Герман Васильевич, пытаясь успокоить, сказал: «ну что Вы, Лариса Николаевна...», я отвечала: «Вы просто более мужественный человек». В ответ он произнес: «А Вы гораздо тоньше меня».

И в личной жизни ему выпало немало испытаний. — Очень рано ушла из жизни жена, Тамара. Возлюбленные, которые случались, рано или поздно

исчезали; последняя жена, Вера Дмитриевна, его ученица, бросила его, уже больного, и никогда больше не проявлялась. Все заботы о нем взяла на себя его дочь, Лариса.

После 2011 года не проведено ни одной посмертной выставки Германа Васильевича, ни одного вечера памяти. Художественное училище слишком быстро его забыло. Живя проблемами сегодняшнего дня, оно искореняет память, (убрать) как явление культуры. И я спрашиваю: что же еще надо было сделать ему, этому несравненному преподавателю, чтобы имя его, как и многих других, было на слуху и у только что поступивших? Еще десять лет тому назад в рекреациях училища висели фотографии тех преподавателей, которые жизнь отдали ему. Но длилось это очень недолго, их сняли. И сделали это неблагодарные ученики.

Надо, просто необходимо нынешнему руководству съездить в Академию Художеств в Петербурге, чтобы увидеть, как хранить Историю.

Ханонкина Дора Лазаревна

Ее заведование учебной частью в течений(е) двадцати лет не было более благоприятным, но характеризовалось другим стилем. По специальности педагог, она ближе была к тем из преподавателей, кто вел общественные дисциплины. Это Лидия Ивановна Молчанова (методика преподавания), Шуватова Алевтина Васильевна (Химия), Дунаева Маргарита Матвеевна (французский и немецкий), Ежова Татьяна Исааковна (английский), Шляпников Виктор Николаевич (фотодело)...

При этом она умела слышать художников, подолгу беседуя с ними. И они платили ей доброжелательностью. Знала все обо всех. Ей доверяли глубокие личные тайны, она принимала живейшее участие в судьбе каждого. Этот стиль Дора Лазаревна сохраняет и поныне. Уже двадцать пять лет живет в Ашдоде, но накануне каждого праздника обзванивает всех, с кем работала с 67-го по 88-й годы. Ей присуща благодарность за каждый новый день в жизни, за то, что судьба в целом милостива к ней.

Годы ее пребывания завучем были периодом усиливающегося влияния государственных структур. Страна входила в жесточайшие ножницы между материальным и духовным. Первое было политической задачей, сформулированной во всех программных документах Коммунистической партии. Духовное рассматривалось – и это была официальная позиция – как вторичное, настолько, что любая художественная выставка квалифицировалась как подарок к съезду или очередной дате. Художников

клеили за портреты жен и детей, и поощряли образы героев Социалистического труда. В этой ситуации трудно было избежать лицемерия, и мастера всех видов искусства либо ломались, (убрать) как творческие личности, либо напролом шли к заказам, раздаваемым Обкомом Партии.

Обладая легким, жизнерадостным и уживчивым характером, Дора Лазаревна, (убрать) сумела так сплотить коллектив, что дом на Богданова 1/6 (адрес Художественного училища) стал родным для всех – и преподавателей, и студентов. Казалось, вернулись пятидесятые годы с их эйфорией братства. Но общность 70х - 80х годов – иная. Все дружили и радовались друг другу так, как будто осознавали – это конец человеческим отношениям. В этой ситуации оставалось одно – закрыться от жизни как будто личным, сосредоточиться на видимой сентиментальности, усилить роль романа в жизни человека, поддаться физиологическим влечениям. Браки расторгались как никогда легко. Новые связи не приносили радости, потому что за бортом оставались жены и дети.

Страна жила на изломе всей своей системы, и пир душевный и духовный все чаще давал сбои (сбои даёт механизм). Надвигалась «бархатная революция».

Я окунулась в нее во время двух осенних месяцев 89-го года, проводя их в Паланге. То был Всесоюзный семинар искусствоведов с девизом «Конец века – конец искусства». Вечерами собирались за круглым столом, прочитывая свои материалы не просто взыскательной, а ироничной аудитории. Страх перед выступлением был паническим. Слушатели, а их было человек двадцать, не взирая на имя и статус говорящего, шельмовали его так, как будто он полный новичок в профессии. Не вызвал теплого одобрения даже Каменский, который только что издал свою книгу «Вернисажи». На «высоте» оставались только дамы из секретариата Союза Художников: холодные, равнодушные, заботящиеся только о повышении своего авторитета с помощью обещаний на публикации. Общая атмосфера была крайне напряженной. Не спасало даже взморье, опустевшее, абсолютно безлюдное, наводящее ужас своей безграничностью. Вот тогда-то мы и поняли: это наш последний приезд в Прибалтику. Она отделяется, что и произошло в 92-м. А люди искусства, нервничая не столько от этой близкой потери, сколько от предстоящего одиночества, одновременно осознавали: грядут грозные времена. Именно в это время Дора Лазаревна покинула страну.

Мы неоднократно бывали с ней на музейной практике в Петербурге. Немало было неожиданностей, которые с течением времени становились смешными. Так, совершенно не ориентируясь в большом городе, она в **сопровождатые** выбирала одного спутника из преподавателей и шла за ним по пятам. Так и вошла в мужской туалет Русского музея с вопросом «а что ты здесь делаешь?»

Однажды мы с ней попали в очень холодный номер гостиницы, и она высказалась: «все, ложусь в сапогах».

Большим происшествием был и случившийся в середине восьмидесятых годов отъезд из Петербурга. Поезд был последним, самым поздним, из отходивших в Москву. Январь месяц. Мороз такой, что воздух звенел от густоты. И вдруг я вижу, как наша группа в сто человек, вся, остается на перроне, а состав медленно уходит, без нас. Оказалось, что уезжать мы должны были вчера. ■ Дора Лазаревна перепутала даты. Но благодаря ей мы не падали духом. Купили в магазине сало, хлеб, разделили по-фронтальному на всех, добились, чтобы нас отправили хотя бы почтово-богажным, а на Казанском вокзале с нас не взяли новой оплаты, да ее и быть не могло из-за полного отсутствия денег. И все это произошло без ссор и выяснения отношений, из-за легкости характера нашего завуча. Она так же не мстила за ошибки другим.

Какими поразительными параллелями пронизана жизнь! ■ Страна ли это, рабочий коллектив или отдельный человек – всюду синхронность.

Расстояние не отдалило Дору Лазаревну Ханонкину от коллег и друзей. По-прежнему знающая о большинстве из нас все, или, по крайней мере, главное, она всегда была наиболее близка к тем, кто переживал невосполнимые потери. Так было и в моем случае. Я не знаю более проникновенных слов, которые написала мне она в связи со смертью моей мамы: «Она все отдала тебе, а ты была хорошей, заботливой дочерью», – вот основной лейтмотив ее посланий ко мне после рокового 92-го года. Я слышала ее плач и тогда, когда она узнала о смерти Виктора. «Сколько боли в твоих письмах», – отвечала она мне.

Еще важнее ее заветы: ни на кого не держать обиду, благодарить Бога за каждый прожитый день. Эти известные классические христианские законы, понятные каждому, как аксиома, производят сильное впечатление, когда исходят от человека, выстрадавшего их ценой собственных переживаний. ■ Дора Лазаревна рано потеряла мужа, оставшись одна с двумя маленькими детьми. Теперь внуки – взрослые. И сохранена связь со всеми, кто был дорог.

Сиверин Адольф Васильевич

Перед тем, как навсегда покинуть Петербург, я встретила с тем, кто после окончания Академии Художеств, в течении трех лет вел историю Искусства в Художественном училище. Меня интересовал коллектив, условия работы, статус этого учебного заведения... **вообщем**, я спрашивала: «стоит ли ехать в Пензу?» Гришков, так звали этого человека, охарактеризовал атмосферу училища как среднюю, но при этом сказал: «Единственный человек, с которым Вы подружитесь, будет Адольф Васильевич Сиверин». Поразительно, что буквально через месяц после начала учебного года Адольф Васильевич признался: «Вы вошли, и это было, как будто вновь вернулся Гришков. Так вы были похожи.» Он с удовольствием посвящал меня в такие тайны восприятия памятников, каких не найдешь в трудах самых талантливых искусствоведов.

«Вот почему так красивы античные образы?» – спрашивал он меня, лукаво улыбаясь. И не давая опомниться, отвечал: «Потому что они спокойны». Все время рисуя, он объяснял мне технику офорта, и при этом обязательно начинал говорить о Рембрандте. Его интерпретация «Ассура, Амана и Эсфири» была гениальна. ■ «Эсфирь только произносит слова обвинения, а Аман уже уходит в темноту-небытие».

Как-то , к Восьмому Марта, Адольф Васильевич подарил мне оттиск с гравюры «Плач Ярославны» **И.С.Г**орюшкина-Сорокопудова. К следующему мужскому празднику, я ответила кусочком изразца, привезенного из Медресе Бухары. Он тут же парировал: «И кто-то камень положил в его протянутую руку».

Искрящийся талант Сиверина проявлялся не только в его гениальных графических и живописных работах, о которых я узнала в 1998-м году, после его смерти, но и в самом стиле его жизни, в умении видеть не внешнее, а глубинное. Вот его спрашивают: «Адольф Васильевич, у Вас есть телевизор?» (Это примерно 1970-й год.) Он отвечает с радостной улыбкой: «Конечно, есть, это мое окно. Я слежу за воробьями, и передо мной разыгрывается целый спектакль». Или – сцена на рынке. ■ Перед бабой, продающей мясо, сидит, неотрывно глядя на нее, голодный пес. Женщина его в упор не видит. Адольф Васильевич, наблюдающий, произносит: «Ну брось кусок – кто, когда-нибудь, смотрел на тебя с такой любовью?» Баба улыбается, кусок летит в сторону пса.

Обработка творческого наследия Сиверина началась через год после его смерти, в августе 99-го. Сортировку материалов – бумаги, красок, пластинок для офорта было поручено одному из графиков. Я должна была дать искусствоведческий анализ живописной серии, посвященной Н.В.Гоголю.

Адольф Васильевич никогда не показывал ее – ни на выставках, ни кому-либо. Он как будто держал эти листы дешевой коричневой бумаги в тайне. А на ней было буйство цвета, динамики диагональных пересечений, контраст объемов, условность образов, что и делало всю эту серию остро современной. Во всем сквозил романтизм художника, который сам по себе, внешне, производил впечатление осторожного, потому что вдумчивого, (поставить) человека, а внутренне – отвергающего шаблонность художественных решений и утверждающего право мастера на эксперимент, на дерзкую свободу и непостижимую глубину прочтения-понимания русского писателя.

Невозможно было даже предположить, что в этом долговязом человеке в длинном пальто, шапке-ушанке и с вечной авоськой в руках, столько темперамента, юношеского задора и смелости. В этой серии он перечеркнул все каноны заскорузлого, затхлого, архаичного академизма – тот, кто воспринимался его адэ(Е!)птом, оказался протестующим, а в своем протесте – рвущимся на свободу.

Вот откуда пристальность его взгляда – «поймут ли, оценят ли грядущие поколения весь ужас, всю трагедию нашего существования?..» Отсюда же и его внутренняя, скрытая улыбка: «я осмелился, мне удалось...» — Он знал, что его искусство переживет века, поскольку оно не в меньшей степени дерзко и смело, чем сам русский авангард начала двадцатого века. В конце столетия, в интерпретации Сиверина, в нем оказалось больше боли, надрыва, протеста, и этим искусство художника обрело бесценную национальную значимость.

В последние годы своей жизни Адольф Васильевич был частым гостем в нашем доме. Однажды он сказал, обращаясь к Виктору: «Много мастерских посетил, но ни у кого не нашел такого теплого отношения к модели, как у Вас. Только Вам будет под силу разработать проект памятника Фритьюфу Нансену».

С этого момента, в течении(е) трех лет, Виктор Буяльский был занят решением образа норвежского общественного деятеля. Поэтапно было создано девять композиций, где образ миссионера решался в сочетании с хрупкими детскими фигурками. Замечательно был найден жест Нансена,

прикрывающего полами своего длинного пальто изможденных ребятишек. Так символично решалась главная задача международного проекта по спасению Поволжья от голода (1924 год). Определилась и лаконичная надпись на будущем памятнике: «Фритьофу Нансену, благодарная Россия». Адольф Васильевич предложил место для его установки – парк в Арбеково. Проект будущего монумента был показан на одной из посмертных выставок Виктора Буяльского, которая прошла в 2005 году в Литературном музее.

Вот как складывался творческий контакт двух художников: Сиверина **А.В.** и Буяльского **В.И.**

Шли годы. Менялся преподавательский состав. Но я всегда помню Комарова **А.М.**, Анохину **Р.В.**, Бельдюсова **Ю.К.**, Бунчина **М.В.**, Макеева **И.Ф.**, Спиглазову **Н.П.**, Дунаеву **М.М.**, Молчановых – **Б.Н.** и **Л.И.**, Панкова **Г.В.** ...

Но был человек, который в первые годы моего преподавания стал искренним и задушевным другом. —

Надежда Илларионовна Елатонцева.

Она закончила ту же кафедру **Истории Искусства** Петербургского **Университета**, что и я, в 1949-м году. Работала в картинной галерее. Мы сблизились с ней сразу, бывали друг у друга. Ее комнатка в коммуналке на Тамбовской была таинственно неухоженной. Быту здесь не было места. Но скрытость неведомых сокровищ ощущалась повсюду. Среди домашней утвари хранились изразцы Средней Азии XVII века, гипсовые отливки египетских богов, несколько офортов Ивана Сильча Горюшкина-Сорокопудова, ломоносовский фарфор, старинные книги Пунина, Винкельмана, Буслаева. Всего этого богатства было не много, но оно светилось, придавая жилью облик сокровенного и тайного монастыря.

Надежда Илларионовна говорила лаконично. Слова ее были чеканны и обдуманно. Не знаю, что занесло ее в Пензу из Петербурга. Родственников здесь не было. Приятельниц тоже. Все они, как и у меня, остались в Петербурге или в Москве.

Она имела независимый характер. Происходила из Хволинска. Отец – художник, друг Козьмы Сергеевича Петрова-Водкина. В Пензенской картинной галерее есть портрет двух девочек работы прославленного мастера. Они держат в руках глобус. Одна из них – Надежда Илларионовна. Возможно, это был подарок ее отца, когда дочь приехала в Пензу. Здесь она сразу попадает под влияние художника и директора Картинной галереи

Виноградова. Но его смерть меняет и ее судьбу. Пересуды и клевета следуют за ней шлейфом. А поскольку она хранила верность своей единственной любви, провинциальная среда не нашла ничего лучше, как **шельмовать** женщину за это.

Надежда Илларионовна продолжала быть стойкой. Она не якшалась с тогдашними мэтрами пензенского отделения Союза **Художников**, **хорошо зная им цену** (для публикации в журнале лучше уберите подобные места, редакция всегда опасается скандала). Отдельные достижения живописных и графических решений не могли поколебать неприятия их образа жизни. А они тогда, в начале 70-х годов, были еще в силе, и их высокомерие по поводу того, что она не с ними, была **а(о) убийственнойой(ым)**. И концентрировалось все это **на (в)** ее начальнике – директоре Картинной галереи Молчанове **Б. Н.**

Борис Николаевич был немного художником, чуть-чуть искусствоведам, но главным образом чиновником. Эрудиция и образованность Надежды Илларионовны раздражали. Унизить сотрудника было легко: например, заставить его заполнить инвентарные книги или так называемые «паспорта» на произведения. А если в качестве «нормы» увеличить их количество на ежедневное заполнение, то можно было получить послушного, буквально попавшего в кабалу сотрудника.

Надежда Илларионовна не раз плакала, не скрывая слез от меня. Я пробовала найти для нее защиту у человека, который сразу стал для меня авторитетом и с которым установились доверительные отношения, сохраняемые и по сей день. — Им был профессор Суриковского института, художник-график Олег Михайлович Савостюк, систематически бывший **Председателем Государственной экзаменационной комиссии на защите дипломов Пензенского Художественного училища**. Но и это не помогло.

То есть мы боролись. Я уже была подготовлена к тому, что самостоятельность и свободомыслие вызывают в ответ агрессивность и тайную зависть. Это было, когда читала А. Камю студентам, и когда ставила «Живые и мертвые». Но силы были не равны. За «ними» был **Обком**, за нами – Петербургский **Университет**. Но он был далеко географически. А страна была поделена фактически на феодальные княжества. Моя судьба один к одному повторила трагедию Надежды Илларионовны, когда я на три года ушла в Картинную галерею. — Захотелось научной работы. Но это не устроило уже новое, возникшее при мне руководство. Ни экспедиция по районам Пензенской области для обследования ее художественных ценностей, ни приглашение в Пензу реставратора из Москвы, ни городской

Лекторий с острой, потому что актуальной, (потому что) искусствоведческой тематикой, ни участие в конференции, проведенной Государственной Третьяковской Галереей на фоне выставки «Неизвестные и забытые художники», ни включение в экспозицию портрета Ниротморцева работы Ивана Васильева, ни трудно добытый для галереи «Христос в темнице», вывезенный из храма в Мокшане, – не спасли. Мне так же, как и Надежде Илларионовне, пришлось уйти из галереи, чтобы вновь вернуться в Художественное училище, которое я не оставляла полностью в эти три года (73-76)

Мы продолжали встречаться с Надеждой Илларионовной. При отсутствии Павловска ездили в Сосновку. На лесных тропинках обсуждали страницы Истории Искусства. Как герои Оруэлла, таились. Вместе готовили и проводили теоретические конференции, посвященные юбилеям старых мастеров – итальянских, голландских и русских. Позже я сделала это законом в начале всех занятий, и минут десять уделяла внимание великим именам, вне зависимости от программы.

Встречи наши в коридорах училища (галерея располагалась в том же здании) были обоюдно теплыми, радостными.

Однажды Надежда Илларионовна зазвала меня на конференцию, проходившую в ГМИИ им .А.С.Пушкина в Москве. Она была посвящена научной искусствоведческой работе. – Тем самым мне был дан мощный толчок к началу публикаций, которые стали появляться в художественных журналах («Декоративное искусство», «Художник»), местной прессе и на телевидении. Много лет я вела передачи на местных каналах. Писала легко и быстро. Результатом стало вступление в СХ России.

Но отчуждение и равнодушие художественной среды возрастало, и Надежда Илларионовна приняла окончательное решение об отъезде в Петербург (72-й год). Провожали ее только мы с Виктором. От галереи не было никого. Поклажа была небольшой, один чемодан. Все остальное было отправлено позже мною, когда самый талантливый и образованный человек покинул провинцию. Как здесь не вспомнить трагически остановившееся время в картине Павла Федотова «Анкор, еще анкор!»!

Больше мы с Надеждой Илларионовной не виделись. Одна из встреч была назначена в Петербурге, но она пришла в гостиницу, когда поезд на Пензу был в пути уже часа два. Были редкие письма. Но и это вскоре оборвалась. Так я потеряла единственную свою опору вне семейных отношений.

Худяков Василий Иванович

Я помню его почти всегда улыбающееся лицо, мягкую, осторожную походку, баритон его голоса. К 90-м годам он был седым, и это так шло ему – волосы смотрелись нимбом над его головой. От него исходила замечательная, доверительная симпатия. Выпускник Таллинского Художественного института, Василий Иванович был воплощением мягкой требовательности и истинно европейской культуры. Десятилетиями, до самой своей трагической гибели, он возглавлял цикловую комиссию по живописи, в которой сам преуспел как колорист. И если бы не догмы социалистического реализма, державшие в узде всех художников, он бы, конечно, не выполнял заказы на портреты Героев Социалистического Труда, за которые приплачивал Обком Партии, а писал проникновенные, тонкие по колориту этюды. За картины в 70-е – 80-е годы никто не брался. Единственным исключением в Пензе стал Виктор Непьянов, написавший большой холст, посвященный Емельяну Пугачеву. Но то был другой характер: воля, соединенная с жесткостью, и твердость, характерная для мужика, помноженная на хитрость, позволяли ему быть независимым и материально. (публикация такой оценки известного в городе человека чревата скандалом, убирайте такие места, если хотите опубликовать в журнале!)

Худяков был семьянином. Забота о жене и сыне была первоочередной. Для того, чтобы иметь стабильный заработок, он должен был служить. И он преподавал, находясь в училище с утра до позднего вечера. Вообще, трагедия Василия Ивановича была массовым явлением среди художников, за исключением тех, кто, не имея высоких горизонтов, выполнял волю власти и, как результат, готов был обклеивать деньгами стены квартир и даже своих домов, которые в 70-е годы стали появляться в городской среде.

Василий Иванович обладал даром тихо и ненавязчиво появляться рядом, когда становилось совсем трудно и тяжело. Так было в дни, когда умирала моя мама. Он ничего не говорил, когда мы встречались в коридорах училища, но столько сострадания было в его глазах, что я воспринимала его, как родного человека.

Очень ободрила меня его улыбка, когда я впервые перешагнула порог училища. Причем, за что я бесконечно благодарна Худякову, была в ней и скрытая тревога – выдержу или нет новые обстоятельства. А о том, что жизнь в училище – не идиллия, он знал наверняка. Вот это чувство правды, которое он нес в себе, и делало его безусловным авторитетом среди и студентов, и

преподавателей. И ближайшим другом Василия Ивановича был не кто-нибудь, а **А.В.Сиверин**. Они любили друг друга. Часто можно было видеть их вместе, беседующими у окна перед живописными мастерскими на втором этаже. Сиверин, с высоты своего роста, чуть склонившийся в сторону Худякова, ироничный или глубоко серьезный, и Василий Иванович, слушающий с доверчивостью ребенка, открывающий что-то для себя. Иногда они менялись ролями. И тогда Адольф Васильевич превращался в долговязого юношу, слушающего наставления своего учителя. Они всегда рады были друг другу, и их взаимная теплота, проявляемая и во время всеобщей суеты, позволяла всем присутствующим ощущать ценность человеческого общения.

Жена его, **Мирослава Иосифовна**, женщина чешского происхождения, всегда говорила с чуть заметным акцентом. Тихая, мягкая, женственная, она замечательно рисовала, по-мужски обрисовывая массу широким линейным контуром. Особенно запомнились ее мужские образы, в которых выявлен волевой, сильный характер. Именно этой стороне творчества Мирославы Иосифовны была посвящена моя первая статья в «Художнике», с которой начались дальнейшие публикации.

Будучи воцерковленной, она с удивлением замечала, что я со студентами занимаюсь **Библейскими** сказаниями и **Евангельскими** сюжетами. Она не могла понять, почему я это делаю, ибо хорошо представляла таящуюся опасность в связи с этим для меня. Мне же идти таким путем было не страшно, поскольку всегда знала, что это – правильно: ведь классическими мифологическими сюжетами пронизана вся история искусства.

Мирослава Иосифовна способствовала тому, чтобы я была крещена. Случилось это 11 января 1998-го года. Меня, конечно, крестили в детстве, но я не была уверена, что все тогда, в 44-м, было сделано правильно. Священник, совершавший таинство, не видел, как загорелась от свечи косынка на моей голове. Я испытала сильный страх, потрясение. Служка, узнав об этом, с ужасом смотрела на меня и только повторяла: «На все воля Божья». Но я догадывалась, что это – предзнаменование. Во второй раз, уже о совсем близкой трагедии, мне было предупреждение в январе 99-го года, когда горели художественные мастерские на улице Куйбышева. У Виктора пожаром были **унечтожены** три работы, находившиеся на чердаке. Остальное не пострадало. Но конец жизни и творчества был предопределен. Помещения никогда уже больше не были восстановлены, само здание стало собственностью частного лица. А тогда, в ту ужасную морозную ночь, я была

среди немногочисленных художников, которые смотрели, как пожарные заливают здание. «Дождь» стекал с перекрытий и стен еще сутки. Виктора в это время не было в городе – он был в командировке. А когда, приехав, узнал, побледнел от ужаса.

Третьим предсказанием было видение громадной огненной фигуры, идущей навстречу мне семимильными шагами. Теперь уже оставалось два дня до операции Виктора, за которой последовала обнаруженная роковая болезнь и – смерть.

Впервые Мирослава Иосифовна появилась в нашем доме во время болезни мамы. С ее помощью были совершены таинства соборования, исповеди и причащения. Присылала она священников и в Онкологический центр к Виктору. Во всем она следовала закону духовной помощи. Когда умерла, ее произвели в сан схимницы, и хоронили по церковному уставу. Возможно, когда-нибудь ее произведут в сан святых.

Очень тесная пламенная дружба связывала меня и Виктора с выпускниками Высшего Художественно-Промышленного Училища имени барона Штиглица. Ими были

Скоробогатова Лидия Николаевна

и

Иодынис Эдуард Станиславович.

Лидия Николаевна закончила отделение керамики и стекла, Эдуард Станиславович – интерьер (что интерьер?). Они приехали в училище в январе 68-го года, то есть спустя (лучше: через) полгода после меня. Первая моя встреча с Эдиком состоялась на том самом партсобрании, когда меня «чистили» за Камю. Вообще реакция на все происходящее тогда была неадекватной. Так, Сиверин А.В. после собрания сказал мне: «Если бы Вы перед группой прочли любое письмо декабристов, было бы то же самое». Трудно было в большей мере поддержать меня, чем это сделал Адольф Васильевич. А Эдик оказался еще проще. — «Дайте почитать». Так началась наша дружба.

Я еще не была замужем, и первые контакты были без Виктора. Лида и Эдик часто бывали у нас дома, я – в их мастерской на Красной. Говорили часами, засиживались до полуночи. Рисовали друг друга. Именно тогда Лида начала работать над моим портретом, фоном для которого она взяла женские образы из Нидерландского искусства XV века. Позже Эдик сделал красиво

нарисованный дружеский шарж, где изображены я, Виктор и маленькая Алена.

Лида, при колоссальной поддержке Эдика, достаточно быстро стала работать в материале. — В мастерской были установлены муфельные печи, которых не было даже в Союзе Художников. Краски для обжига запасали в громадном количестве, привозя их из завода имени Ломоносова в Петербурге. Лида стала выходить на свои главные станковые композиции фольклорного звучания. Так появились «Масляница», «Каравай», «Летний дождик»... Это были и отдельные объемы, и горельефы, крепившиеся на плоскости, и тогда фоны заполнялись птицами, цветами, подсолнухами, надо всем этим светило солнце... — «Праздничная керамика» — именно так называлась моя статья о творчестве Скоробогатовой, которая была опубликованная в журнале «Декоративное искусство» за 1973-й год. Даже тогда, когда Лида бралась не за собственно русско-славянский сюжет, у нее все равно образы трактовались фольклорно, условно-реалистично. Это была лубочность в скульптуре, как это сделано а «Античном мотиве» или в композиции «Когда цветет сакура».

Параллельно шли заказы на монументальные работы, где ведущим был уже Эдуард Станиславович, обеспечивая их материальную часть. Это декоративное панно для столовой в санатории «Березовая роща», то же — в ресторане «Ласточка», кинотеатре «Современник», оформление Училища Культуры, пескоструйный витраж входных дверей Центрального Универмага, панно «В.И. Ленин» на торце дома по проспекту Победы.

Эдуард Станиславович — монументалист и интерьерщик. В пору его преподавания в Художественном училище Декоративно-оформительское отделение стало явлением, которое придало учебному заведению новый статус. Каждая дипломная работа — это панно, мозаика, витраж, либо роспись в общественном интерьере города. Яркость зашит была обеспечена не проектным решением, а реальным воплощением композиции в материале.

Где найти слова, чтобы выразить всю теплоту наших отношений десятилетия 70-х, искренность, с которой мы общались, потребность в ежедневных встречах? Наше сообщество было колоссальной поддержкой для каждого. Нас связывали светлые отношения молодости и любви. И хотя еще длились наши «посиделки», еще читались стихи, шумели праздничные застолья, звучал Окуджава и приходили в гости студенты, но уже «всходила звезда сытости, когда разрушались дружеские связи» (Уолт Уитмен).

Наступило время 80-х, когда все это стало постепенно и неуклонно разрушаться. И Лида, и Эдик получили отдельные квартиры. Мы с мамой и Виктором продолжали жить в коммуналке. Эдик начал оправдывать это своей значимостью для города. Мастерской у Виктора не было. Скульптуру малых форм он делал на кухне, экспериментируя и литье в домашних условиях. Около наших друзей стали появляться какие-то коммерческие люди. Завязались очень близкие отношения с директором Художественного Фонда, затем со Вторым секретарем Обкома... Возникли и другие деловые связи, которые позволяли быть «на плаву». Я с горечью наблюдала этот процесс, но изменить что-либо было уже невозможно.

И уж совсем все стало холодно в наших отношениях, когда Лида стала председателем Союза Художников. Вход во властные структуры совсем изменил ее, и наша дружба пошла на спад. Особенно драматично для меня сложилось это на фоне Зональной выставки в Воронеже, где я была в составе большой делегации художников из Пензы и должна была сделать статью о нашем отделении. И она была написана. Но Лида санкционировала передачу ее, в готовом виде, другому искусствоведа. Удар был сильным. Меня вновь выбили из седла. И то, что это сделала ближайшая подруга, усугубляло мое трагическое восприятие жизни вообще и художественной, в особенности.

Третий этап наших новых отношений, теперь уже только с Лидой, начался с трагической гибели Эдуарда Станиславовича. Они возвращались с концерта. Около Художественного училища грабители, человека два-три, пытались сорвать с Эдика шапку. Лида закричала. Ее ударили, и это решило все – сердечный приступ не смогли приостановить даже в больнице имени Бурденко. Это был 92-й год. Еще в апреле Лида с Эдиком были на похоронах моей мамы. А теперь, в октябре, мы хоронили Эдуарда Станиславовича. С этого момента началось наше сближение с Лидой. Оно было трудным, неопределенным. Но тут новый удар свалился на нее. В своей квартире, от пламени газовой горелки, ее мама получила такие ожоги, что через три дня умерла. Я настояла на том, что надо ехать в Свердловск-Первоуральск. И Лида еще сумела застать маму живой. Мы сблизились, но ненадолго. Достаточно быстро Эдика заменил Вадим, у которого сравнительно недавно умерла жена. Знакомы они были давно, приятельствовали, а теперь возникли другие отношения. Может быть, по этой причине творчество Лиды не изменилось – те же русалки, те же птицы-сирины. Кроме того, без технической базы, которую полностью обеспечивал Эдик, она уже не могла делать объемные вещи, и все больше уходила в небольшие размеры. Они по-

прежнему были насыщены цветом, эффектно смотревшимся на белой поливе, но все это стало повтором. Драматургия и напряжение не вошли в ее творчество, она никак не ответила на трагическую гибель того, кто ради нее оставил семью.

На исходе жизни Лида вернулась в художественное училище. Контакты наши были не частыми. Но она стала первым учителем моей Елены, ведя в группе живопись и композицию. Передала для нее три книги по искусствознанию.

Лидия Николаевна Скоробогатова умерла практически на занятиях, в Училище. То был приступ инсульта. Затем – месяц в реанимации. И 15-го декабря 2005 года ее не стало. По необъяснимому стечению обстоятельств она умерла в тот же день, что и мой Виктор.

Вместе со Скоробогатовой и Иодынисом приехал в Пензу, так же (слитно) после ВХПУ имени бородна Штиглица

Москалец Виктор Титович.

Наша дружески-творческая группа пополнилась искрящимся задором, неумной фантазией, дерзким комизмом, будь это африканские танцы в его исполнении или живой заяц, запущенный на праздничный стол в год кролика. В паре с ним всегда выступал Виктор Сачков, присоединившийся к нам позже, но весьма уверенно играющий роль заводилы. Последний закончил институт им. В.И.Сурикова, был станковистом. Так что разница между ними была, и возрастная тоже. Но сближала радость жизни. Оба были счастливы в семейной жизни, обоим везло и на получение заказов.

Однако Виктор Титович оказался мобильнее. Изначально он занимался не только интерьером, осваивая постепенно все новые и новые техники станковой живописи. Так он вышел на более современные технологии, в основе которых – использование традиционных материалов. Это алюминий, пряжа, морская галька, проволока, ткань, железо, дерево, смола, клей, фанера, стекло. Они заменяют художнику часть красок, количество которых он намеренно уменьшает. Свои картины «пишу, играю, сверлю, пилую, шлифую, монтирую, свариваю, режу, обливаю, сколачиваю, растираю, накручиваю, освобождаю от излишеств». Так сам Москалец определяет свой метод. Даже экспонирование работ превращается в спектакль одного актера. Все его

произведения – это переплетение живописи и дизайна. Широкую огласку получили его скульптурные шаржи из ткани. В них натурализм соединен с известной долей обобщения. Его авторству принадлежат пейзажи и фигуративные композиции на фактуре опилок и мелкой стружки. Есть в его творческой коллекции изобразительные скороговорки народов мира, по(А!)линдromы (фразы, которые читаются как слева направо, так и справа налево), басни, тема космоса.

Искусство Виктора Титовича никогда не кормило – только педагогическая деятельность, которая началась в 1963-м году, и не заканчивается поныне. Это и общеобразовательная школа, еще в Ленинграде, в студенческие времена; и ПХУ им. К.А.Савицкого; и Архитектурный ВУЗ (строчными буквами); и, наконец, архитектурный лицей. Сам художник называет себя авангардистом. Пусть так и будет. Во всяком случае, Москалец не стандартен. И равного ему – в экспериментах – нет. Живет он энергично и весело. И с надеждой, что творчество его будет востребовано. Пусть веселому человеку улыбнется удача.

Как проектировщик Виктор Титович – автор оформления многих ресторанов. Им сделаны интерьеры старой филармонии, музея Народного Творчества и многое-многое другое. Вот такое разнообразие в творчестве этого мягкого, доброжелательного и отзывчивого человека.

Виктор Александрович Сачков, 1944 года рождения, ушел из жизни в 84-м году по собственному желанию. Весельчак, остроумный человек, был сломан системой застоя гораздо раньше, чем это почувствовала страна(стиль: страна почувствовала не его сломанность, а что?). Что-то очень совестливое есть в поступке Виктора. С чем-то он не мог больше мириться. Оставил красавицу жену, взрослеющую дочь, многочисленных друзей. Состояние страшного одиночества оказалось в нем непреодолимым. Его смерть стала первым и мощным знаком разъединения художественной среды, отчуждения людей друг от друга. Ни любовь, ни относительное благополучие уже не спасали. В условиях страшной конкуренции, где сильным оказывался Художественный Фонд, красящий лозунги и транспоранты, художнику – образованному, умному, с хорошей творческой поддержкой (дядя и его жена – солисты Большого Театра) – (вставить) стало невозможно противостоять варварскому захвату тех материальных ресурсов, которыми владел исключительно Обком Партии.

Лирик по натуре, умеющий жить радостно, с задором, Виктор писал вдохновенные портреты жены и друзей, образы природы, Поволжья, привнося в пензенскую художественную школу стиль, манеру, видение Дмитрия Жилинского. Его графическая и скупая манера письма была воплощением строгости и глубины шестидесятников, но с ударением на поэтическое, тихое, проникновенное.

Вся глобальность трагедии ухода Виктора Сачкова тогда, в 1984-м, не осознавалась. Вот уж действительно «лицом к лицу лица не увидать»...

Ни вернуть, ни воскресить, а забывчивость людская беспрецедентна.

Борисова Валентина Николаевна.

Мы сблизились в 90-е годы, когда ее дочь, Марина, уже закончила Художественное училище и была студенткой Суриковского института. Она была одним из самых вдумчивых преподавателей, тихо и ненавязчиво добивалась от учащихся самых высоких результатов. Никогда не искала поощрения в кулуарах администрации, не заводила выгодных контактов. Всегда была пряма, строга и честна. Что-то патриархальное в лучшем смысле этого слова было присуще ей. Не будучи светской дамой, никогда не рядилась, не была праздной или даже шутливой. Какой-то отпечаток вечности лежал на ней, придавая всему ее существованию почти сакральный оттенок. Она как будто предугадывала будущее, но тайну своих догадок не открывала никому. В ней не было пафоса Дельфийской сивиллы, но присутствовало ясное спокойствие, из-за глубокого понимания жизни и стоического мужества, порожденного все тем же знанием.

Мы часто гуляли с ней, то есть тихо и медленно шли к остановке транспорта, и чаще всего через Лермонтовский сквер. Мы никогда и никого не обсуждали, не говорили о быте, но наши диалоги успокаивали каждую из нас и вселяли уверенность, что можно преодолеть глобальное одиночество. А оно надвигалось на нас. В 99-м умер Виктор, Валентина Николаевна ушла из жизни в 2004-м году.

Я очень дорожила этой тихой, сокровенной, не показной дружбой. Сказать, что она обожала свою дочь, Марину – ничего не сказать. Валентина Николаевна верила в нее, и была за нее спокойна. И у Марины все сложилось – и в личной жизни, и в творчестве. Закончив Суриковский, она уехала с мужем, очень красивым человеком и талантливым художником, в Оренбург, стала преподавать в Художественном училище, побывала в Париже, имеет престижные награды от Союза Художников.

Борисов Борис Дмитриевич.

Верный спутник своей жены, Борис Дмитриевич не случайно выбрал Валентину Николаевну, поскольку сам – человек патриархального воспитания. Однако в творчестве они были не похожи. Валентина Николаевна в графике – философ космического плана, даже когда она рисовала узкое пространство своей мастерской. Но внутренняя борьба линий, нервная штриховка и вывод затененного интерьера на светящуюся даль воспринимались как надежда, которую она действительно дарила людям.

Борис Дмитриевич в своих живописных работах, написанных широко и виртуозно, синтезировал все достижения русской художественной школы, добиваясь монументальности и такого насыщенного колоризма, что все его постановочные композиции становились знаковыми, символическими, закрепляющими в сознании стабильность уклада крестьянской жизни.

В пространстве **Художественного Училища** Борис Дмитриевич – явление уникальное. Уметь относиться к студентам как к друзьям, вызывать у них глубокую любовь к живописи, не противостоять им, если у них что-то не получается, а вселять уверенность, что пристальность изучения формы и воспроизведение тончайших цветовых и тональных нюансов на холсте дает радость истинного узнавания мира. Здесь просто необходимо вспомнить Заболоцкого:

«Любите живопись, поэты,
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно...»

Мы успели обменяться визитами. Чета Борисовых побывала в творческой мастерской Виктора Буяльского, всей семьей были приняты в их доме. Результатом этих встреч была моя статья о художниках под названием «Триптих».

Никогда не забуду, как на посмертной выставке Виктора Буяльского «Художник и модель» Валентина Николаевна, говоря о портрете Лены Яковлевой, выразилась коротко и ясно: «это шедевр». Ее отзыв – это честное признание одним мастером – другого.

Среди директоров Художественного училища, под началом которых мне пришлось работать, на первом месте навсегда останется (перенести под подзаголовок **Трушин...**)

Трушин Виктор Михайлович

Не художник, но универсально образованный, он сочетал в себе понимание силы изобразительного искусства, умение слушать и уважать любого собеседника. Его директорство – это золотой век в жизни училища последней трети 20-го столетия.

Первое знакомство с Виктором Михайловичем состоялось во время собеседования. Вступив на пост, он встретился с каждым из преподавателей, вглядываясь и присматриваясь к тем, с кем ему суждено было работать. После разговора со мной подвел странный, как мне тогда показалось, итог: «С Буяльской Ларисой Николаевной работать можно». И только сейчас я понимаю, что это был ответ тем, кто пытался окружить меня негативом. — Ведь я сравнительно недавно ушла из Картинной Галереи, вернувшись в Художественное училище.

Тогда за мной закрепили характеристику неуживчивого, с плохим характером, человека. Вот эту-то несправедливость и развенчал В.М.Трушин. Его поддержка коснулась и той меры, которая для меня была полной неожиданностью. — Он подал документы на присвоение мне звания «Заслуженный Учитель России». А когда сказал об этом, я искренне удивилась: «Зачем?» И он ответил: «Когда-нибудь пригодится». Защитило ли меня полученное звание в дальнейшем? — Да, поскольку драм, трагедий и несправедливостей выпало на мою долю много больше, чем можно было бы предположить.

Директор всячески поддерживал меня и тогда, когда в 90-е годы я вышла на сценические творческие конкурсы среди выпускных групп училища. То были и «живые картины», и театрализованные постановки произведений, посвященных искусству, и конкурс капитанов, соперничающих команд.

Практически все выпускники названного десятилетия прошли через сцену знаменитого Актового зала Художественного училища. Для проведения таких конкурсов нужны были поощрительные призы, на них – не малые деньги, и Виктор Михайлович никогда не отказывал мне в этом.

Димаков Дмитрий Николаевич

Когда мне было горько, когда вновь выпадала на долю несправедливость, когда по корысти оставляли и предавали друзья, Дмитрий Николаевич умел толково объяснить ситуацию, предупредить и успокоить. Он никого не выдавал, мне упреков не бросал, а только предугадывал. И в этих предсказаниях был всегда один классический тезис: «все обойдется». Так,

ненавязчиво, не учительствуя, он утверждал путь победы, где важнее всего преданность делу. Любого врага можно одолеть, придерживаясь этого принципа.

Появившись в училище в 80-е годы, когда я отработала в нем уже два десятилетия, а коллегами стали мои ученики, он один догадался поздравить меня с Рождеством **В** 2000-м году. Прошло всего 23 дня после смерти Виктора, я была глубоко больна, каскад необъяснимого отчуждения обрушился на меня. То не было мстью – все знали, что мы с Виктором очень любили друг друга. Но это было торжеством удачи тех, кого обошла подобная трагедия. И они все: те, кого мы с Виктором принимали за друзей, кто работал с каждым из нас десятилетия, ушли и сделали все возможное, чтобы пути наши не пересекались.

Ровно через полгода, когда я устраивала **Первую Посмертную** выставку Виктора, Дмитрий Николаевич развешивал акварели и графику в моем кабинете – **Истории искусства**. В экспозиции было двадцать автопортретов и **(цикл? Тогда в кавычках)** Девять заповедей Блаженств. И во время поминального ужина Димаков спросил, скрывается ли за этими цифрами символика. Я ответила: «нет», и вдруг в одну секунду осознала мистическое и сказала ему об этом: «29 лет совместной жизни». Дмитрий Николаевич был потрясен, ибо он видел, что это – открытие даже для меня.

В последующие времена и годы он подсказывал мне идеи посмертных выставок. Так, в 2000-м году она называлась «Пластика и текст». **—** В экспозицию были включены фрагменты записных книжек Виктора и его стихи. Затем – «Миф и реальность». И наконец, «Сценография», на которую Димаков подвигал нас с дочерью несколько лет. Осуществление этой идеи казалось невозможным из-за утраты материала. Но часть работ удалось реставрировать, и все состоялось.

Дмитрий Николаевич интересен не только тем, что идейно поддержал меня в моем непреодолимом горе. (фраза отдаёт центрированностью на собственной личности. Естественно, для общественности он интересен в первую очередь своими общественными делами. А у Вас получается наоборот.) Он – универсально образованный человек. Религиозный. Истинный хранитель истории Художественного училища. Он вернул не только Пензе – всей России имя выдающегося художника XX века – Владимира Татлина, создал музей К.А.Савицкого в Художественном училище. И хотя работа музея, как и его экспозиция, уже десятки лет свернуты, восстановить это – дело чести дирекции и администрации. Для

этого надо осознать масштаб деятельности и усилий того, кто держит престиж училища в аспекте нравственном и историческом.

Дмитрий Николаевич сумел преодолеть сопротивление многих и добился установки мемориальной доски на фасаде училища с именем Николая Дмитриевича Селиверстова. Так он исподволь готовит город к тому, что Художественное училище будет носить имя мецената и покровителя искусств, каким был губернатор конца девятнадцатого века.

Кузина Татьяна Алексеевна

В течении двадцати лет – заместитель директора по воспитательной работе. Делала она это (что? Стиль!) с удовольствием и творчески. Всегда окруженная студентами, она «заводила» их сценическими выступлениями, готовясь к очередной дате в жизни училища или приближающемуся государственному празднику. Порой ее сценарии были наивны, они не вязались с тем высоким стилем, в который обращали студентов преподаватели в мастерских. Но в том, что делала Татьяна Алексеевна, было так много от жизненной правды, что молодые люди от четырнадцати до двадцати лет обожали ее и признавали лидером.

Ее маленькие ножки на высоких каблуках, летящая походка и ласковая улыбка на лице, когда она встречала нас у входа в начале каждого учебного дня, наполняли все училище доброжелательностью. Мужчины-преподаватели теряли голову от ее присутствия, поэтому их «воспитание» давалось ей легко и непринужденно.

Она пришла в училище молодой, неопытной, с печатью смущения на лице, и сумела выдержать нелюбимую критику в свой адрес, но ее открытость и искренность уберегли ее от страха перед «серьезным» коллективом, и она осталась верной себе, и «взрослеющей» вместе со всеми.

Ее уход из училища, спровоцированный администрацией, был неожиданным для нас. В решении училищного начальства не было корректности и справедливости.

Татьяна Алексеевна не пропала, но боль за случившееся в ней и поныне, как открытая рана.

Ежова Татьяна Исааковна

Она пришла в училище спустя три года после меня. Однако первая моя встреча с ней состоялась задолго до того, как мы с ней оказались коллегами.

Был летний день. У меня каникулы, и потому я в Пензе. Улица Бакунина в районе Драматического театра. По противоположной ее стороне шла девушка, такая нарядная, что окружение смотрелось только фоном. Все на ней выглядело настолько экзотично, ярко и ослепительно, что это вызывало улыбку удивления. Но то, что спасло ее от моей иронии, было внутренней собранностью. Она была энергична, во всех движениях чувствовалась воля и целеустремленность.

Эти качества она и поныне несет в себе, принимая нестандартные решения. – Как только почувствовала, что ее недостаточно ценят, она тотчас же ушла из училища, хотя очень его любила. Вскоре мужественно отошла от привычного окружения и погрузилась в свой глубокий внутренний мир, не допуская в него никого. Она и от себя самой умеет скрывать огорчения, подчиняясь неукротимому ходу времени. И потому дом ее – это истинная крепость и защита.

У Татьяны Исааковны прекрасная коллекция живописи. Ее писали многие художники города. Общение с ней составляет истинное удовольствие, поскольку она образованна, интеллектуальна, глубока. У нее живой ум и сильная энергетика. Это сухое изложение ее достоинств не может восполнить ее высоких человеческих качеств. Она умеет протянуть руку в трудную минуту, поддержать, посочувствовать. И получается, что хотя наши пути почти не пересекаются, она остается другом и утешителем на все времена.

Параллели и контрасты

Есть в училище люди, которые, находясь в одном пространстве, объединенные общим делом, дополняют друг друга и создают понятие целого.

Королькова Ольга Викторовна

Тихая, сдержанная и требовательная, она сделала отделение «Дизайн» в училище самым востребованным и перспективным. Проекты, в качестве дипломных работ, которыми защищаются ее выпускники, могли бы составить честь любому ВУЗ-у (вузу). Это всегда профессионально, с большим вкусом и актуально. Разрабатывается ли музейное пространство, предлагается ли экспозиция выставки, решается ли спортивный комплекс, производственные площадки – всюду задор, влюбленность в профессию, искрящийся талант. А вдохновителем является Ольга Викторовна.

Громова Лариса Николаевна

Ведет графический дизайн. Профессионально и увлеченно. Естественная, всегда доброжелательная, не умеющая повышать голос, являющаяся воплощением женственности и строгого вкуса, она по-настоящему любима студентами. При этом чрезвычайно тверда в отстаивании своей позиции. Главное ее качество – независимость. А достигается это силой характера и знанием своего дела.

Береснев Николай Иванович

и

Хачатурян Александр Саркисович

Антиподы и противники, оба колоритны, энергичны, талантливы. Береснев – романтик. Хачатурян – реалист. Первый работает в поэтических станковых формах, второй – **монументалист, порой с гротескным решением (стиль! Лучше: монументалист, порой прибегающий к гротескным решениям)**. Один любит ажурные детали, другой – мощные неотшлифованные объемы. Их скульптурные композиции узнаваемы, поскольку авторское в них – неоспоримо.

Шигаева Светлана Викторовна

и

Барабанова Татьяна Павловна

Они – хранители библиотеки Художественного училища, основу которой составляет фонд Н.Д.Селиверстова. Здесь, в резных деревянных шкафах XIX века, стоят редчайшие издания по искусству, факсимильные репродукции, альбомы, журналы.

На фоне этих драгоценностей Светлана Викторовна выглядит вполне современно. Энергичная, целеустремленная, решающая финансовые вопросы для пополнения библиотеки и заботящаяся о ее сохранности.

Татьяна Павловна сдержанней. Она как будто сошла с портретов девятнадцатого века. В ее лице читаются и ответственность, и гордость за свою работу, и чувство **самоуважения (собственного достоинства)**.

Благодаря им здесь царят тишина и умиротворенность. Нет ничего прекраснее склоненного над книгой девичьего или юношеского лица. В этом мире господствуют порядок и раздумья. Здесь главными являются шедевры

мировой культуры, поэтому пространство библиотеки наполнено постижением истины.

Среди тех, с кем дружила, кто был близок в разные периоды и дорог, (поставить) – десятки имен. Это люди неординарные и талантливые, такие (вставить) как Бельдюсов Ю.К., Бунчин М.В., Смолин Н.Ф., Фомин Аполлон ..., Панков Г.В. Никогда не забыть Дунаеву М.М., Спиглазову Н.П., Москалеву Е.А. и многих-многих других, которые были преданны училищу и по-настоящему доброжелательны. Жизнь всех нас не была идиллической, все мы – часть истории страны. Но душевное и духовное родство присутствовало и преодолевало периоды недопонимания.

Люди, которые шли со мной по жизни, начиная с 1967-го года, – незабываемы, все до одного.

Перечень имен и страниц части «Отчий дом».

Комаров Алексей Михайлович _____	стр.
Жаков Герман Васильевич _____	стр.
Ханонкина Дора Лазаревна _____	стр.
Сиверин Адольф Васильевич _____	стр.
Надежда Илларионовна Елатонцева _____	стр.
Худяков Василий Иванович _____	стр.
Худякова Мирослава Иосифовна _____	стр.
Скоробогатова Лидия Николаевна _____	стр.
Иодынис Эдуард Станиславович _____	стр.
Москалец Виктор Титович _____	стр.
Сачков Виктор Александрович _____	стр.
Борисова Валентина Николаевна _____	стр.
Борисов Борис Дмитриевич _____	стр.
Трушин Виктор Михайлович _____	стр.
Димаков Дмитрий Николаевич _____	стр.
Кузина Татьяна Алексеевна _____	стр.
Ежова Татьяна Исааковна _____	стр.
Королькова Ольга Викторовна _____	стр.
Громова Лариса Николаевна _____	стр.
Береснев Николай Иванович _____	стр.
Хачатурян Александр Саркисович _____	стр.
Шигаева Светлана Викторовна _____	стр.

III. ВСЕЛЕННАЯ

Но существовала еще и околохудожественная среда. Она-то и расширяла пространство вокруг меня. Как кольца планет, втягивала и выталкивала, углубляя представления о мире.

Николай Васильевич Пеганов

Он учился вместе с Виктором в Художественной школе Уфы. Затем пути их разошлись. И все-таки встреча состоялась. В один из приездов к родителям Виктор с дочерью навестил своего друга. Обменялись каталогами, буклетами, подарками.

Я позвонила Николаю в Москву, куда он перебрался с семьей, когда Виктор лежал в Онкологическом центре. Нужны были дорогостоящие процедуры по очистке крови. Жена Николая, Наталья, имела фирму по продаже нефти за рубеж. И они в один голос, сразу же, ответили, что, конечно, (вставить) помогут. Девонька моя в это время сотрясалась от слез, говоря: «есть же люди...»

Первые очищающие капельницы дали очень хороший результат, потом все пошло на убыль.

На похороны Николай приехать не смог, но когда ровно через год я позвала его в Пензу на открытие Посмертной выставки в Мемориальной Мастерской Виктора, он вместе с женой принял поразительное решение – выплачивать Алене, которая была теперь на втором курсе института имени Сурикова, ежемесячную стипендию.

Последняя встреча с Николаем состоялась в зале института имени В.И.Сурикова, куда я пригласила его на защиту дочери. Ее дипломная работа – первая редакция монографии «Виктор Буяльский». Николай не только пришел, но и вновь нам помог материально, испытывая чувство уважения за нашу с Еленой совместную заботу о наследии Виктора. Была середина 2004-го года. А в 2006-м Николая не стало. Он умер от сердечного приступа. Так же, как Виктор, был членом СХ России, у него так же были Персональные и Зональные художественные выставки.

Оказывается, религиозность истинная, глубокая, обязывает совершать поступки масштабные. Здесь речь шла о судьбе дочери друга, судьбе творческой, художественной. И Николай выступил как меценат, проявив заботу, как многие русские дворяне, о нуждающихся. Это и есть истинно человеческий подход к людям и самой жизни.

Попов Евгений Семенович

В 1999-м году он был Министром Культуры. Первого сентября я пришла к нему, чтобы просить о помощи. Смертельный диагноз В.И.Буяльского ему стал известен из тех медицинских документов, которые я принесла с собой. Моя просьба сводилась к закупке композиций «Девять заповедей Блаженств», графическую разработку которых я и представила. Евгений Семенович, не колеблясь, (вставить) заключил договор с Виктором, который был оплачен в день его смерти.

В 99-м Попов Е.С. поступил по отношению к нам по-отечески. За время болезни Виктор ни в чем не знал отказа, поскольку в первых числах сентября, спустя несколько дней после моего визита к Евгению Семеновичу, был выплачен гонорар за предстоящую работу.

«Девять Заповедей Блаженств» (вставить) появлялись на свет параллельно с сильнейшими страданиями автора, когда силы его неотвратимо иссякали. Позже они были обожжены, но в бронзу, как мыслилось, так и не переведены.

Лежикова Надежда Анатольевна

Ее привел ко мне в училище Вячеслав Ларин. Сам он возглавлял ассоциацию творческой молодежи города. И когда стало известно о конкурсах, проводимых мной и посвященных Искусству, он проявил к этому интерес и предложил, тогда еще очень молодой Надежде Анатольевне, возглавлявшей большую строительную фирму, помочь училищу финансово.

Она с большим интересом отнеслась к моей программе, чувствуя себя даже несколько робко в новой для нее роли. Несколько лет она приобретала призы для этих конкурсов, делая их все более солидными. Это были красивые наборы карандашей, ластики всех цветов, краски, альбомы для рисования, планшеты и рамочки. Сама присутствовала на наших праздниках в качестве члена **Ж**юри, восхищаясь и удивляясь задору студентов. Ей импонировало, что она помогает **Х**удожественному училищу с такими богатыми традициями. И это действительно был поступок, потому что в девяностые годы подобное проявление гражданской позиции обществу было не известно.

После смерти Виктора я уже сама вынуждена была просить у нее помощи в устройстве Мемориальной мастерской. Это не вызвало у Надежды Анатольевны энтузиазма, но она откликнулась. За это я предоставила несколько акварельных работ Виктора. Практически это была покупка за очень небольшую сумму, но я была спасена, и устройство мастерской продолжилось.

Загудаев Сергей Владимирович

В самом начале 2000-го года я начала хлопотать о музее Виктора Буяльского. Все мои походы в Комитет по **У**правлению **И**муществом ни к чему не приводили. Свободных помещений **Н**ежилого **Ф**онда не было. Возглавлял комитет Загудаев **С.В.** И я стала так сильно мечтать о встрече с ним у **Х**удожественной **Ш**колы, куда он водил свою дочь, что событие это, оказывается, стало приближаться. Мне все думалось, что когда он увидит работы Виктора, хоть и стоящие уже на полу и подготовленные к вывозу, он сразу даст помещение.

Однажды все так и случилось. Долго уговаривать Загудаева о посещении не пришлось. Я всего лишь сказала, что на эту процедуру у него уйдет пять минут. **■** Впечатление Сергея Владимировича было сильным, и уже через неделю я имела ключи от страшно заброшенного, но светлого помещения на втором этаже деревянного дома на улице Урицкого, 54б. О том, что не только дом, но и весь район обречен и подписаны документы о его сносе, я узнала в самый разгар реконструкции помещения, когда уже был побелен потолок, красились стены и восстанавливались полы. Сделать ремонт в собственной квартире никогда не хватало средств. Я почернела от горя. А потом решила – останавливаться не резонно. Кто знает, сколько времени будет дано на существование мастерской. Я обязана была открыть ее к годовщине памяти Виктора, то есть 15 декабря 2000-го года. И с этого дня она стала работать, просуществовав до 2007-го.

В дни памяти Виктора здесь всегда было много народа. И студенты Художественного училища, и его преподаватели, и художники стояли плечо к плечу, удивляясь количеству работ, их художественной значимости. Не все осознавали, сколько усилий понадобилось для этого, но атмосфера сочувствия ощущалась в каждом. Сколько благодарных слов было адресовано Виктору и посвящено его памяти! Достаточно назвать большой текст Жакова Г.В., с проникновенным анализом творчества художника, в Книге Отзывов. Здесь же проводились экскурсии и мастер-классы с участием преподавателей Художественного училища.

Санталов Олег Павлович

После пожара в доме по Куйбышева, 3 (январь 99-го), где находились творческие мастерские, и его тушения, разрушения в здании были чудовищные. В январе 2000-го мы с дочерью пытались наметить план предстоящей работы по вывозу работ и освобождения помещения. Художественная школа вдруг перестала нас пускать в опустевшую мастерскую, мотивируя это запретом пожарников. Понадобилось вмешательство близкого друга Виктора, человека взрослого и опытного, Николая Афанасьевича Матвеева, чтобы я переступила порог помещения, где находилось все творческое наследие В.И.Буяльского. И вот тогда стали обнаруживаться пропажи. – Исчезло 50 кг (пробел) бронзы, запасенные Виктором для предстоящего литья, художественные материалы, несколько работ, в том числе и портрет В.Татлина. Заявить об этом было некому, Школа ушла от проблем, связанных с посмертной судьбой В.И.Буяльского. И я начала работать в полном одиночестве. В здании не было отопления, электричества, воды. В этих условиях (январь, февраль, март 2000-го года) я должна была переписать работы, упаковать и вывезти их. Куда – не представляла. Но главное – начать составлять каталог. И вдруг меня осенило. Надо срочно фотографировать. Пусть скульптура и живопись уже сдвинуты со своих мест. Но дух Виктора здесь еще явно присутствовал.

И тогда я обратилась к Олегу Павловичу. Был назначен день. Он пришел, поразился количеству работ и их художественным единством. Работал он долго, с желанием и большим сочувствием. Столько понимания случившейся трагедии я впоследствии не видела ни у кого. Позже он снял на пленку все основные циклы скульптурных, живописных и графических работ, проявляя поразительное чувство вкуса и такта. Не знаю ни одного другого фотографа, который бы относился к натуре, будь это человек или произведение

искусства, с таким пиететом, как это характерно для Санталова. Он – истинный художник, безукоризненно владеющий всей методологией изобразительного искусства. При этом – тих, сердечен, внимателен.

Вклад его в посмертную судьбу **В.И.Буяльского** – самый сильный, потому что – вечный.

**Павлов Николай Николаевич,
Норкина Светлана Васильевна,
Иван и Мария Крившенко**

Во время работы над каталогом, когда надо было давать названия работам, восстанавливать год создания, измерять их по вертикали и горизонтали, мое жуткое холодное одиночество было согрето теми, кто неожиданно появился в моей жизни. Первым надо назвать Н.Н.Павлова, давнего выпускника Художественного училища, который всегда интересовался всеми преподавателями, навещал их, не теряя с ними контакта. Узнав о моем горе, в один из январских дней он перешагнул порог мастерской Виктора и был потрясен моей изоляцией, потерянностью и полным ощущением катастрофы, которая сквозила в черных стенах совершенно темного коридора, в брошенных здесь же досках перекрытия, затруднявших проход в мастерскую, но главным образом в хаотично располагавшихся прямо на полу работах Виктора. Он первым долго разговаривал со мной, не утешая, но страдая за мою сломанную судьбу. Позже он, наезжая в Пензу из Москвы, так же посещал меня, объясняя многим в училище недопустимость моей заброшенности. Но люди были неумолимы. Они, среди которых были бывшие друзья, не меняли своей позиции, не приближались ко мне, напротив, старались усугубить мою боль. Николай Николаевич с этих пор стал нашим с дочерью ближайшим другом. И по сей день это так. Он все знает о нас. Мы так же стараемся его поддерживать своей расположенностью.

После визита Н.Н.Павлова в мастерской систематическими моими помощниками стали Иван и Мария Крившенко (вскоре они поженились, будучи на выпускном курсе Художественного училища) и Светлана Норкина. Все они помогали мне в работе над каталогом. Их верность Виктору Ивановичу (Светлана и Мария учились у него) была трогательной, светлой и бескомпромиссной. Они, по отдельности, часами просиживали со мной, помогая систематизировать работы. Чаще приходили по воскресеньям, свободные от занятий или, как Света, от работы.

Так, находясь в глубокой скорби, я приобрела друзей – юных, чистых, прекрасных – на всю оставшуюся жизнь.

Ащеулов Николай Михайлович

Чиновником его никак нельзя было назвать: столько понимания было в глазах того, кто слушал меня. А я просила о помощи. – Чтобы сохранить работы Виктора в уже выделенной для этого Мемориальной мастерской, нужно было оборудование и отопление. Николай Михайлович, будучи заместителем губернатора, тут же, при мне, связался и с Горгазом, и с заводом Тяжпромарматура, попросив, по-дружески, но настойчиво, сделать все необходимое. Были заказаны широкие нижние верстаки и верхние узкие полки под скульптуру. Их изготовление курировал выпускник Художественного училища, работавший на заводе художником, **Шатов Геннадий Степанович**. Делать это ему было **не легко** (слитно). Так, за месяц до открытия **М**астерской, все приготовленное дерево исчезло, и заказ Ащеулова пришлось возобновлять. Тот же Геннадий Степанович отправлял меня поздним вечером домой, а сам красил полки до полуночи, ибо оставалось несколько дней до первой годовщины памяти В.И.Буяльского. Но в этой работе по подготовке музея не принял участие ни один из преподавателей, с кем работал Виктор, и ни один из тех, с кем работала я. И в первом, и во втором случае речь идет об учениках. С большинством из них мы дружили. Теперь они полностью отстранились от посмертной судьбы своего учителя и коллеги.

Этот шок я переживаю поныне. Смириться с тем, что у каждого – свои заботы, тоже не могу. Слишком велика трагедия ухода, чтобы равнодушие списывать на занятость. Исключением из общего печального опыта стали все, обучавшиеся у меня в то время студенты. Они внесли колоссальный вклад в посмертную судьбу Виктора Ивановича уже на другом этапе, когда надо было покинуть Мемориальную **М**астерскую, вновь все упаковывать и искать другое помещение.

Беда не приходит одна. Летом 2007-го года в здании на Урицкого возник пожар. Мастерская не пострадала. Но вывоз экспонатов был предопределен. Огонь вновь стал началом борьбы за сохранение творческого наследия В.И.Буяльского. Положение становилось катастрофическим и от того, что носившийся в воздухе план реконструкции данного района, обещанный еще в 2000-м году стал осуществляться.

Все лето экспозиция Мемориальной Мастерской хранилась в кабинете Истории Искусства Художественного училища. А в конце августа мы с дочерью были на приеме у заместителя Губернатора по вопросам Культуры.

Столярова Елена Алексеевна

Она знала нас с дочерью по предыдущим визитам к ней, когда надо было устраивать посмертную судьбу Виктора. Это она подсказала обратиться к Ащеулову Н.М., занимавшегося (муся) коммунальным хозяйством. Была она и на посмертной выставке Виктора Ивановича в 2000-м году в Литературном музее. Присутствовала на открытии памятника Гиппократу, который установлен в Онкологическом Центре в 3-ий год памяти – 15 декабря 2002-го года. Скульптура была сделана по станковой модели, выполненной Виктором Ивановичем еще в 70-е годы.

При разговоре с Еленой Алексеевной, кроме нас с дочерью, был и директор училища Косырев Анатолий Николаевич, участие которого очень помогло в решении вопроса о сохранении творческого наследия Виктора Ивановича. Так, прямо при нас, после телефонного звонка, определился новый адрес, теперь – Музея Скульптуры Виктора Буяльского, на Докучаева 20, в одном из классов Общеобразовательной школы. Нас с дочерью очень поддерживала директор Школы Кожевникова Александра Николаевна. Нашлись и мастера, которые закрепили верстаки. Экспозиция была возобновлена при самой активной помощи студентов, которые учились у меня. Это просторное помещение разительно отличается от того, в котором располагалась Мемориальная Мастерская. Здесь все преобразует свет, льющийся из больших окон. Скульптура прекрасно смотрится и силуэтом, и в объеме. Музей был открыт 15 декабря 2007-го года. И, несмотря на удаленность от центра, здесь и поныне, особенно в дни памяти, бывают студенты, художники, школьники, режиссеры, актеры, поэты... Елена Викторовна Буяльская организует выставки детского рисунка, проводит мастер-классы с привлечением лучших творческих сил города; учащиеся Художественного училища смотрят фильмы, посвященные мастерам двадцатого века. Дочь художника глубоко осознает необходимость разнообразия в работе Музея, и делает это вдохновенно.

Названо уже немало людей, перед которыми я навсегда в долгу. Одной из них является

Февралева Светлана Николаевна

Наши дочери начинали свой творческий путь со студии при Театре Драм. Их учителями были: Каплан, Конопатин, Шахназаров, Казаков. Сценическая речь, умение двигаться на сцене, входить в образ персонажа – все эти навыки научили наших девочек самому главному: умению сопереживать. Обе эмоциональные и открытые, они и специальности выбрали творческие. Софья Февралева закончила Литературный институт, Елена Буяльская – Суриковский по специальности «искусствовед». Мы со Светланой Николаевной, оставаясь в Пензе, переживали за них, помогали, чем могли, и это сблизило нас, даже породнило. А когда умер Виктор, Февралева и сама писала статьи о нем, о Мастерской, и поручала это своим сотрудникам, уже работая заместителем редактора газеты «Пензенская правда». Вот уже 15 лет, в начале декабря, я напоминаю ей о памятной дате, и она всегда способствует тому, чтобы очередная публикация увидела свет.

Человек очень мудрый, религиозный, она не допускает фальши – ни литературной, ни бытовой. Умеет видеть очень глубоко, сопрягая факт с большим социальным и культурным пространством. Живость ее впечатлений наталкивает на простое и легкое восприятие жизни. Она как бы адаптирует проблему, делая ее разрешимой. Снимает тяжесть меткостью и незаурядностью своих наблюдений. Самый талантливый журналист, она лучезарна в жизни, почему и производит впечатление задержавшейся в городе звезды.

Но ей присуще и мужество. Думаю, не всегда материалы о Викторе находили поддержку у представителей власти. Мне кажется, что был период (2004 – 2007), когда действовал негласный запрет на них. Светлана Николаевна и тогда не боялась подобных публикаций, потому что в них вставал образ художника, получающего признание после смерти. Вот почему мы с Еленой посчитали необходимым в 2006 году вручить Светлане Николаевне премию имени Виктора Буяльского, которой награждаются внесшие вклад в посмертную судьбу художника.

Никулаенкова Надежда Ивановна,

директор Литературного музея. Образованная и поэтому понимающая, изящная и деликатная, она одна из немногих официальных лиц Пензы достойно несет статус дамы. Надежда Ивановна неоднократно принимала в музее посмертные выставки Виктора Буяльского, привлекая к их устройству большое количество своих сотрудников, которые всякий раз включались и в

составление экспозиции, и в организацию рекламы, и в дальнейшую работу над посещением выставок, проявляя при этом максимум такта и сочувствия.

Она сумела сделать Литературный музей и общедоступным, и интересным. Экспозиция развернута настолько грамотно, что получаешь максимальные сведения о знаменитых именах, связанных с Пензой.

Поездка на родину Куприна в Наровчат в день его рождения – масштабное свидетельство присутствия классика русской литературы в современной жизни. Это доказывают и работающий музей, и митинг на площади возле него, и большие концерты в клубе, и громадная ярмарка всего того, что производят в Наровчате. Атмосфера праздничного дня, если посчастливилось провести его здесь, запоминается на долгие годы как позитивная, настраивающая каждого на творчество.

Памятные даты рождения и гибели М.Ю.Лермонтова, отмечаемые в Тарханах, имеют свой колорит. В эти дни далекое от Пензы село становится как будто частью Петербурга. Все то, **до (вставить)** чего «не дожил» поэт, дается ему в виде всенародной любви и **В**сероссийского почитания.

Я слышала однажды, когда в одну из таких дат, уже при закате солнца и при умиротворенной тишине где-то недалеко от барского дома запел крестьянский хор. В мелодии и самом стиле исполнения было столько грусти и надежды, что романсы, звучавшие в тот день со сцены, устроенной на громадной поляне, показались прикладными. Глубокие и пронзительные, они не могли оспорить высокую трагедию народной песни.

За всем этим – Н.И. Никулаенкова, занимающая пост директора Литературного музея по любви. И, конечно же, Мельникова Тамара Михайловна, директор музея-заповедника в Тарханах.

Рассказова Лариса Ивановна,

главный хранитель фондов Литературного музея. В 2003-м году, когда я обратилась к ней с просьбой об атрибуции медалей с образами литераторов, поэтов, философов, музыкантов, выполненных Виктором Ивановичем Буяльским, она весьма заинтересованно отнеслась к этой работе. Будучи человеком науки, безукоризненно владея опытом аналитика, зная, как работать со справочной и энциклопедической литературой, Лариса Ивановна в достаточно короткий срок определила десятки имен выдающихся мыслителей, облики которых запечатлел Виктор. Сотрудничество с ней – одна из самых ярких страниц в моей жизни в XXI веке.

Острая , энергичная, импульсивная, аскетичная, с обликом Сафо, она ведет исключительно интеллектуальную жизнь, не внедряясь в светскую. Такое целомудрие в рамках околохудожественной жизни – явление уникальное, способное многому научить и **подвинуть** (**сподвигнуть?**) на творческие озарения.**м**

Гуляев Анатолий Сергеевич,

режиссер театра драмы имени Луначарского, впервые появился в мастерской Виктора Ивановича в 1997-м году, вскоре после юбилейной выставки, прошедшей в Картинной галерее имени К.А.Савицкого. Началось осуществление проекта, над которым начали работать отец и дочь, по созданию портретов актеров. Первыми в кандидатах были Василий Конопатин, Наталья Старовойт, Михаил Каплан.

Тем не менее именно Анатолий Сергеевич, как самый мобильный, живой, энергичный, остроумный, стал постоянной моделью зрелого художника и студентки живописного отделения. Елена была робка. Ей приходилось только слушать словесный поединок людей, представляющих такие непохожие сферы творчества, как театр и изобразительное искусство. Но близость этих художественных явлений, состоящих в угадывании характера и воплощении человеческих судеб, так сблизили режиссера и художника, что у Виктора Ивановича появилась серия графических портретов Анатолия Сергеевича, его живописный и скульптурный портрет. Им было весело общаться друг с другом. Они находили в этом импульс для творчества.

Ранняя смерть Виктора потрясла Анатолия Сергеевича. И он стал самым преданным другом художника в его посмертном существовании. Не было ни одной выставки, посвященной памяти В.И.Буяльского, на которой он бы не был. Где бы не проводилась она: в дальнем городском районе на Докучаева, во Дворце Детского и Юношеского Творчества на Бекешской, в театре «Кукольный дом» или в Художественной школе на Карла Маркса, Анатолий Сергеевич в сильные морозы 15 декабря преодолевает любые расстояния (а приближается его 80-летие) и становится обязательным посетителем очередной выставки. Но дело не только в физическом присутствии. Гуляев так выстраивает свою памятную речь, что каждому становится понятно, насколько человек неповторим, тем более такой творческий, каким был Виктор Иванович Буяльский, и какая это большая потеря – его смерть, и для семьи, и для искусства.

Говорит он часто и обо мне. Однажды сравнил с японской собачкой, которая десять лет ждала своего хозяина. Не знаю, откуда у Анатолия

Сергеевича такой дар провидения, но я действительно жду Виктора и по сей день, думая – всякое бывает, вот откроется дверь, и войдет он, жизнь без которого – страшное одиночество. Перед моими окнами, где бы я ни была, висят, как траурные флаги, обрывки черных полиэтиленовых пакетов. Который год их не может сорвать с веток деревьев ни ветер, ни дождь, ни снег... Поэтому во мне всегда траур.

Из всех, кто был безукоризненно внимателен ко мне, необходимо назвать председателя **С**кульптурной **С**екции. —

Кузнецов Валерий Ювенальевич.

Уже к Первой **П**осмертной выставке Виктора, проходившей в Литературном музее и открытой 15 декабря 2000-го года, в витринах были выставлены скульптурные композиции малых форм, отлитые в бронзе. Виктор оставил так называемые «восковки», в количестве около ста. Это были портреты классиков, но в основном – греческая мифология. Сатиры, фавны, nereиды; Аполлон, Нарцисс, Даная...

Переводом в материал занимался исключительно Валера, бескорыстно помогая мне. Я привозила ему восковки в скульптурный цех, он сдавал их на завод, после отливки обрабатывал, подключая иногда к этому других скульпторов, и уже после этого отдавал мне. Я расплачивалась, процесс этот был долгим и, казалось, нескончаемым. Бронза, как и отливка, дорожали, но мне останавливаться было нельзя. — Воск – хрупкий материал.

Был период, когда к переводу скульптуры в материал подключился Володя Цой, но это привело к трагическим результатам. Сроки изготовления скульптур становились не просто растянутыми, — бесконечными, и я с большим трудом добилась возвращения восковок.

И вновь стал выручать Валера Кузнецов. С его помощью и при его непосредственном участии в материал переведены все работы Виктора Ивановича.

Валера очень содействовал мне при отправке работ мужа в Уфу, где открывалась его посмертная персональная выставка. И упаковку работ, и их транспортировку к железнодорожному вокзалу взял на себя он. И встречал меня из Уфы с работами тоже **В.Ю.**Кузнецов.

Выставка в Уфе имела немало трагических аспектов. Во-первых, никто меня с хрупким багажом (скульптурой, живописью и графикой) не встретил. Понадобились невероятные усилия, чтобы соединиться по телефону с директором выставочного зала. Оказалось, что выставка не запланирована,

ибо все переговоры велись с заместителем с показательной фамилией – Винокуров. И хотя мне это казалось невероятным, пришлось уехать, чтобы вернуться в Уфу через месяц, а еще через месяц забирать работы. Столько унижительного и странного было за эти три поездки, обидного и просто хамского. Но и победа Виктора была полной. — Художественный музей имени М.Нестерова закупил портрет Блока и две медали, с образами Уолта Уитмена и Сергея Прокофьева. — Уфа наконец-то приняла своего сына.

Кравцова Муза Ивановна.

Режиссер театра кукол, она поставила несколько спектаклей, сценографию к которым делал Виктор. Несколько этапов прошла наша дружба, закаленная бедами и неудачами, но одновременно – светлая и расположенная к этому миру.

Все началось с Кадады, где в 70-е – 80-е годы в живописных окрестностях под Кузнецком действовал дом отдыха работников культуры. Путевка на август месяц стоила 7 рублей. Молодые и жизнерадостные, мы бродили и бродили по лесам, собирая грибы, ягоды, наслаждаясь солнцем и зеленью, прохладой реки Кадады, и общались искренне и доверительно. Алена была еще совсем маленькой, лет пяти, когда однажды взяла и подняла Музу Ивановну – так стройна она была.

После смерти Виктора она ненавязчиво поддерживала меня, помогая обойти те трагические рифы в моем сознании, когда, казалось, жизнь невыносима.

Теперь видимся гораздо реже, но доброжелательность, сочувствие и понимание – всегда с нами. Эта дружба – спасительная, на трудных жизненных ухабах. Я очень люблю Музу Ивановну за ее расположенность и доброе чувство к нам, теперь уже ко мне и Алене. В Викторе она всегда отмечает его энциклопедическую образованность, юмор и профессионализм.

Моя Вселенная не отличалась постоянством. Даже, когда испытывала абсолютное одиночество, мир вокруг пульсировал в виде бездонного звездного неба. Я научилась слушать тишину, а в ней – музыку планет. Она всегда была новой, порой с хорами, и я жалела только о том, что не могу записать ее. Три года тому назад, когда умирала в реанимации, я была подготовлена к Страшному Суду и видела пульсирующие прожекторы на

черном бархатном фоне и пока еще пустой трон Пантократора. Вместе со мной своей участи ждали десять мучеников, а мне был дан знак «не сейчас».

Поразительный закон: когда остаешься один на один со Вселенной, больше узнаешь о мире. Человеческое сообщество для постижения космических тайн не предназначено. Слишком много суеты, отсюда невозможность отделить главное от второстепенного.

На лекциях по истории искусства я была независима от обстоятельств. Погружаясь в материал, жила данной эпохой в конкретной стране. Но самое главное, мне всегда хотелось настроить студентов на высоту в общении с миром. И поэтому я часто повторяла, что мы находимся не на Богданова 1/6 (адрес Художественного училища), а во Вселенной, отсюда и ответственность каждого из нас перед днем сегодняшним и будущим.

Сколько прекрасных лиц прошло передо мною! Очарование моих студенток – поразительное. На первом курсе они не выразительны и пугливы. К пятому – взгляд их осознанный, а робость, свойственная девичеству, негромкая грусть по утраченным иллюзиям – придает их обликам то, что так пленительно выразил Левицкий в портретах **Смолянок** (**принято: «смолянок»**): живость, молодость, естественность и открытость. Как я люблю этих девочек, как они грациозны и милы, и – хрупки... Здесь начинается страх за них: не сломали бы эту нетронутость грубые жернова времени... То, что «на свете счастья нет», – они не соглашаются. Каждая хочет обмануть Судьбу, и уверена, что у нее будет все по-другому.

Юноши менее открыты из-за своей рациональности. Но когда они вдохновляются классикой, их суждения характеризуются смелостью и нестандартностью. После училища они прокладывают путь в **ВУЗ-ы** решительней и целеустремленней.

Но с теми, кто отзывчив к миру, связь сохраняется на все времена. И это становится панацеей от очередных бед и неприятностей.

Моя Вселенная живет полноценной жизнью, где труд и творчество ценятся превыше всего. А поскольку я всегда работала по индивидуальной программе, занимаясь синтетической историей искусства, уделяя много внимания мифологии (славянской, **(поставить)** античной, христианской), история искусства стала не просто специальным предметом, а явлением, формирующим сознание будущих художников.

Чрезвычайно важной в этом контексте мировой культуры была Музейная практика в Петербурге, когда северная столица представала перед студентами во всем разнообразии своей духовной жизни. Мы знакомились с

архитектурой; в музеях нас встречали лучшие искусствоведы страны; мы видели работы Реставрационной мастерской древнерусской живописи, бывали в запасниках Русского музея и Эрмитажа; обязательно выезжали в Петергоф, Павловск, Царское Село. Совершали однодневную напряженную поездку в Новгород Великий.

Впечатления, не связанные напрямую с экспозициями, были ошеломляющими. Однажды, на пути к церкви Спаса на Нередице, мы видели лебединое озеро. В течении двадцати минут движения автобуса вода, еще холодная в начале апреля, была сплошь покрыта белым – то лебеди возвращались в родные края.

Поскольку в Эрмитаже мы проводили целый день, М.Б.Пиотровский разрешал нам обедать в столовой этого крупнейшего музея, где все было недорого и очень вкусно. Здесь следует отметить поразительный демократизм дирекции и понимание своего высокого статуса. Действуя по принципу «просящему дается», музей проявлял заботу о детях, что является неиссякаемым принципом жизни Петербурга.

Посещение музея Оборона и блокады Ленинграда всегда вызывало стрессовое состояние всей нашей большой группы. И стук метронома, и четвертушка хлеба на день, как единственный паек жителя города, и суовая, мужественная сосредоточенность Мравинского, дирижирующего в холодном Большом зале Филармонии симфонией Шостаковича, и ледовая дорога через Ладогу, и детские лица блокадного Ленинграда... Мои девочки рыдали. Я клялась себе, что в следующем году не пойдем в этот музей. И все повторялось сначала.

Артамоновы –

Владимир Константинович и Маргарита Тихоновна.

Оба они работают, вот уже около 40 лет, в Русской школе Клайпеды. Отец Владимир возглавляет ее; Рита, занимаясь с детьми рисунком и живописью, является экспертом в вопросах изобразительного искусства в Литве. Это они дали школе имя Андрея Рублева. Их выезд из России был обусловлен идеологическими причинами. Закончив вначале Художественное училище Пензы, затем – искусствоведческое отделение Екатеринбурга (всё же отделение вуза, а не города), они не нашли пристанища в провинциальном городе. Мечтая о масштабной профессиональной работе, не желая быть зависимыми от тех, кто с удовольствием исполнял роль амбициозного и некорректного начальства, они в Литве нашли полноценное применение

своим способностям. ■ Международные выставки, проводимые ими в Клайпеде, на базе их школы, завоевали высокий статус в странах Европы.

(Если это цитата, то в кавычках. Может быть выделена шрифтом, например, курсивом, тогда – без кавычек) Так сложилось, что в годы моей учебы в ПХУ курс истории искусства в моей группе вел другой педагог. Но, поступив учиться после окончания училища в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина на заочное отделение факультета истории и теории искусства, я, чтобы как можно лучше подготовиться к экзамену по древнерусскому искусству, напросилась посещать уроки Ларисы Николаевны по этому курсу, благо в то время училище находилось в одном здании с картинной галерей, где я уже начала свою трудовую деятельность. Каким образом тогда – еще в советское время – Лариса Николаевна сумела так глубоко постичь и суметь донести до студентов истинный духовный смысл искусства Древней Руси – по сути, исключительно церковного?.. Меня до сих пор это удивляет! Именно на ее лекциях я, например, впервые услышала слово «евхаристия», значительно больше узнала о роли прп. Сергия Радонежского в русской истории и культуре, да и многое другое... Эти уроки дали цельную картину огромной эпохи в русском искусстве. И вот, когда я приехала на сессию в Ленинград и стала посещать лекции В.И.Лихачевой – известного специалиста в области искусства Византии и Древней Руси – я уже не услышала ничего нового для себя, более того, лекции Лихачевой показались мне немного поверхностными и схематичными (возможно этого было достаточно для «натаскивания» перед экзаменом). Лихачеву я очень уважаю, но уровень моих знаний, которые она, кстати, очень высоко оценила на экзамене, все-таки был обеспечен уроками Л.Н.Буяльской.

(закрывать кавычки)

Воспоминания-отзывы моих бывших студентов об истории искусства, которую я вела с 1967 по 2013 годы, я начинаю со свидетельства Артамоновых, затем – даю слово остальным, кто откликнулся и кто, таким образом, остался верным истории искусства, не считая этот предмет праздным для художника.

(Кавычки или курсив) Я поступила в училище в 1971 году. Среди преподавателей сразу привлекла внимание красивая, с двумя косами, искусствовед, и я с нетерпением ждала, когда же она начнет у нас преподавать. Знакомство с Ларисой Николаевной произошло на уроке истории искусства, на втором курсе. Лекции, которые она читала, до сих пор вспоминаются. Она рассказывала с огромным интересом, доступно, так что после урока и готовиться не надо было, все запоминалось сразу и надолго. У меня до сих пор сохранились лекции, которые она читала. Я пользуюсь этим материалом для подготовки в проведении своих уроков.

Она вовлекла в мир искусства, учила формировать свои взгляды и давать оценку произведениям. Спасибо ВАМ, Лариса Николаевна, за Мир, в который Вы погружали нас на своих уроках!

Таисия Молчанова,
выпуск 1976 года.

(Кавычки или курсив. И далее все отзывы сделать отличными от авторской речи в тексте.) Уважаемая Лариса Николаевна! Ваши уроки, те знания, которые Вы вложили в нас, помогли мне практически без подготовки сдавать экзамены по истории искусства в Академии им. Репина. С благодарностью и пожеланиями здоровья. Ваша выпускница 1979 года. Соловьева И., мама Бобыльковой Саши.

Соловьева Ирина,
выпуск 1979 года.

Письмо-воспоминание об уроках истории искусства

Жизнь протекает быстро – безвозвратно,
Уж пробежало мимо двадцать с лишним лет.
Да, стерлись грани, прошлое невнятно,
Но ПХУ оставило в душе свой яркий след.
Все было – юности забавы,
«Гранит науки» тоже удавалось «грызть»...
И целый новый мир борьбы и славы
Сумели Вы, Буяльская, для нас открыть!
Историю искусств без «белых пятен»,
Вселенную Творений и Творцов
Вы показали нам и стал понятен
И Татлин, и Алпатов для юнцов!
Мальцов безусых, дев бездумных
Вы делали умнее и взрослей.
И возвращались мы с пленэров шумных,
Из суеты проспектов, площадей
В спокойствие библиотечных залов.
Читали много, многих и «в запой»!
И ставились в журнал пять баллов
Изящной, маленькой, «фарфоровой» рукой.
Лариса Николаевна, спасибо,
За то, что научили нас: творить,
Умению смотреть, и видеть бесконечность неба,
И сострадать, и чувствовать, и жить!

Александра Седова (Белоногова),
выпуск 1987 года.

Посвящение Ларисе Николаевне Буяльской

Опечаленный горный рокот
Из моих ли времен стонал?
О... Я не жила одиноко...
Но всегда была здесь одна.

И дарован мне был в лавинах
Сей спокойный и гордый нрав, –

Что до пушкинских шел гостиных
Со времен самого Петра.

Я жила. Я любила Бога.
И горел на моих кострах
Опечаленный горный рокот
Сквозь ранимый и гордый нрав...

Юлия Меркушова. 1993год.

Очень важно для творческого человека уметь верить в несбыточное. Только это помогло П.И.Чайковскому пойти против воли отца и отказаться от карьеры юриста, поступить в консерваторию и осчастливить весь мир своим дарованием. Только горячая любовь к людям заставила П.Федотова отказаться от военной карьеры и стать на путь художника – полный лишений, часто обрекающий на одиночество. Но путь этот удивительный, причастный ко всемировому таинству, дарит возможность вечной юности души, радость постоянного познания и самосовершенствования. А.Иванов, М.Врубель, Ван Гог, Н.Фешин, А.Моцарт, Ф.Шопен, Ф.Достоевский, Дж.Оруэлл, А.Пушкин, М.Лермонтов, А.Ахматова, М.Цветаева, и многие другие имена расскажут нам о людях, которые навсегда поверили в то, что искусство содержит в себе некую тайну, что оно является знаком. На уроках Истории Искусств Лариса Николаевна всегда создавала ту особенную атмосферу таинственности, сопричастности к тайне, когда каждый из нас верил, что он художник, ответственный за этот мир. Что главное для художника – никогда не предавать себя, не разменивать талант на пустяки.

Это никогда не были просто лекции, где бы мы разбирали только текущие темы, - это всегда был диалог с самим собой, через Великих мастеров живописи, ваяния, зодчества, художников слова, театра, кинематографа, посредством Ларисы Николаевны Буяльской.

Спасибо Вам, Лариса Николаевна, от всех учащихся нашей группы.

Любовь Вижуткина,
выпуск 2008 года.

Лариса Николаевна открывала для нас мир искусства в своей простоте и красоте. Она даровала нам видеть не только внешнюю, а в большей степени

внутреннюю эстетику произведений, и творцов, их создавших. Благодаря ей я осознал универсальный закон жизни и творчества художника: стремление к прекрасному – это путь к совершенству. Лариса Николаевна относится к тем немногим людям, чья глубокая одухотворенность и вера в великое предназначение искусства преображают всех находящихся рядом.

Вячеслав Паварс,
выпуск 2008 года.

Лариса Николаевна!

Вначале немного хочется охарактеризовать ваш образ: эстетичность, возвышенность, поэтический слог, высокая духовность, во всем чувство такта, обладание чувством юмора, сила духа и безграничная любовь к своему делу.

Вспоминается, как осуществлялись замечательные поездки в Петербург, под вашим руководством, в которые было вложено много духовных сил и труда. Посещение академий, музеев, театров, поездки в пригороды Петербурга – все эти новые впечатления были для нас глотком свежего воздуха и эстетического вдохновения.

Вы научили нас не только понимать и воспринимать искусство, а через призму искусства смотреть на нашу жизнь.

Благодаря вашим урокам каждый из нас мог себя почувствовать не просто студентом, а уже формирующимся художником.

Ваши занятия и ваш образ, это одно неразделимое целое, именно такие воспоминания у меня живут в душе.

Оля Захарова,
выпуск 2008 года.

В училище предмет «История искусств» никогда не был для меня тяжелым или трудным. Лариса Николаевна Буяльская всегда относилась к своим урокам нестандартно – мы не писали «диктантов», мы слушали, анализировали и воспринимали все по-настоящему. Большая заслуга преподавателя в том, что он не «штампует» фраз, не читает по бумажке (как инструкцию к телевизору), а импровизирует и сам больше всех заинтересован в своем предмете.

Да, Лариса Николаевна видела всех насквозь. Когда я делал свой диплом, подразумевал «суровый стиль», про себя уже смеялся (ну какой там стиль?) Лариса Николаевна, увидев работу, сразу же поняла, к чему я «стремился».

Помнится и поездка в Санкт-Петербург на музейную практику, и «погружение» меня в культуру – походы в оперу и театр в том же Питере...

Можно только пожелать больше настоящих учителей нашему училищу – таких, как Лариса Николаевна Буяльская.

Дмитрий Гусынин
выпуск 2008 года.

Какое счастье встретить хорошего учителя, наставника. Ведь юный студент как податливая глина, и очень важно, в чьи руки он попадает. Учитель помогает отличить и правду от неправды, и добро от зла, формирует вкус, отношение к жизни, помогает определить свой путь. Я очень рада, что училась у вас, Лариса Николаевна! Вы из тех учителей, которых не забывают. Часто вспоминаю наши занятия по истории искусства, которые проходили на одном дыхании. Каждая лекция, как открытие. Открытие удивительного и непростого мира искусства. Спасибо!!!!!!

Здоровья вам, Лариса Николаевна, и не унывайте, мы, ваши ученики, вас любим!

Анастасия Матвеева,
выпуск 2008 года.

Время течет и все изменяется, всего за несколько лет изменилось и наше Училище. Благодарю Бога за ту уникальную возможность – учиться у такого педагога, как Лариса Николаевна, всегда вспоминаю с теплотой и любовью то время – наше Училище – каким знали его мы. Очень многому научили нас уроки Ларисы Николаевны – не только основам понимания искусства, анализу художественного произведения, но и любви к творчеству, к людям, друг к другу. Занятия всегда проходили на эмоциональном подъеме, серьезно и одновременно весело, без скуки и уныния. Удивляло умение Ларисы Николаевны видеть и чувствовать индивидуальность каждого ученика, чувствовалось, что преподаватель ценит твои мысли, уважает твоё мнение, внимателен к тебе не только как к студенту, но и как к зарождающейся творческой личности – это покоряло и окрыляло, давало надежду. С уроков истории искусства всегда уходили вдохновленными, с новыми творческими силами, даже по-новому смотрели на окружающий мир. По сути Лариса

Николаевна учила нас видеть. Приобретенное тогда помогает сейчас – во время учебы в Академии, поможет и в дальнейшей жизни. Такое не забывается.

Бобылькова Саша,
выпуск 2008 года.

Лекции Ларисы Николаевны были настолько проникновенны и эмоциональны, что внутри мне каждый раз становилось беспокойно, туманность и сон исчезали в один момент!.. руки чесались от нетерпения сотворить что-нибудь... и в то же время не хотелось прекращать ее слушать. Я чувствовала, что живу! Больше всего мне нравилась ее «космичность».., то, что она всегда напоминала нам об огромной Вселенной, о том, как прекрасен этот мир и как все связано между собой. Лариса Николаевна учила нас не только предмету **И**стории **И**скусств, но и жизни вообще. Еще она общалась с нами так, как будто мы уже что-то из себя представляли. Лично я считаю ее своим другом. ...мне порой очень не хватает той эмоциональной «подпитки», которую мы получали на ее занятиях.

Настя Лойко,
выпуск 2008 года.

Постоянно всплывают в памяти те четыре года в училище... одновременно трудные и прекрасные. Спасибо, что научили быть небезразличным, а самое главное, объяснили, зачем это.

Сергей Жученко,
выпуск 2010 года.

Объемно-пространственное впечатление от **И**стории **И**скусства в ПХУ.

Л.Н.Буяльская не просто искусствовед-энтузиаст и прекрасный педагог – это живая легенда ПХУ, которая связывает несколько поколений. Именно она повлияла на выбор и самоопределение многих выпускников. В том числе и на мой личный выбор. В училище многие дни были похожи один на другой, но в веренице учебных недель уроки Истории Искусства как бы разделяли все это время подобно верстовым столбам. Новая учебная неделя начиналась не «с понедельника», а с ее урока. И сравнение с дорогой здесь вполне уместно. Эта дорога – совершенно логично и прекрасно вела нас к петербургской музейной практике. Путешествие во времени: История Искусства и история ПХУ неразрывно слились в один образ, воплощением которого стала Лариса Николаевна. Образ этот, он не идеализирован – имеет свой особый стиль. Немного аристократизма, немного гротеска и немного «дыма». Он, безусловно, впитал в себя квинтэссенцию изучаемых и пережитых эпох, и в нем чувствуется значительность. В каждом слове и в каждой паузе. Все в меру: лаконично, достойно. Ее почти иконоподобный облик, подчеркнутый характерным изгибом плеч – легко можно узнать издали. Но так же легко его ассоциировать с Византийской императрицей в торжественном наряде или портретом эпохи Возрождения и – с плебейской героиней картин Ля Тура... Ах, кажется, я рассказываю уже не о человеке, а о скульптуре, которая стоит дома среди других на полке! Что ж – таково мое «объемно-пространственное» впечатление от истории искусства в ПХУ.

Кирилл Шадчнев
выпуск 2009 года.

Ваши замечательные лекции помогают мне до сих пор во всех экзаменах. Спасибо вам за вашу душевность... Вы многое донесли до меня... Мы все вас помним и вспоминаем с теплотой.

Юля Зуева
выпуск 2009 года.

Лариса Николаевна, для меня ваши уроки незабываемы. Спасибо Вам за вашу доброту и понимание!

Лариса Николаевна –
Всепрекрасный человек!
Историю искусства
Не забудем мы вовек!

Придем смотреть альбомы,
Зайдем попить чайку,
Узнаем про фронтоны,
Услышим про хокку.

История искусства –
Любимый наш урок!
Ни за что мы не пропустим.
Накопим знаний впрок.

Сергей Колбасов,
выпуск 2011 года.

Лариса Николаевна! Большое спасибо! Многие бывшие студенты спустя годы после окончания училища вспоминают Вас словами благодарности, в том числе и я! Вы для нас идеал преподавателя истории искусства и идеал Женщины.

Настя Зоткина,
выпуск 2009 года.

Спасибо, что вы так терпеливо и хорошо нас учили.

Максим Сальников,
выпуск 2011 года.

Уважаемая Лариса Николаевна!

Искренне благодарю вас за душевную щедрость, отзывчивость и многолетний кропотливый труд!

Спасибо вам за вашу индивидуальность, творчество и неповторимость. Вы удивительный человек и незабываемый преподаватель! Очень люблю вас!

Григорчук Света,
выпуск 2011 года.

Я к вам иду, смирясь и веря,
Скрепя надежду и мечту
За то, что вас понять сумела –
Молчанье гор перешагну.

Откровение – вот как бы я назвала ваши уроки, Лариса Николаевна. Спасибо.

Алина Антипова,
выпуск 2011 года.

История искусства – программный предмет училища. Знание и понимание искусства в разрезе тысячелетий, осознание неразрывной связи всего сущего, видение творчества художников всех времен как дела искренности и правды, как дела борьбы за свободу – это впитала я на уроках Ларисы Николаевны Буяльской, обучавшей меня с 1 по 5 курс. Лариса Николаевна представала перед нами на каждом занятии как художник, словом творила образы изучаемой нами темы. Предмет «История искусств» явился мне не муторным штудированием дат и памятников искусства, а источником вдохновения и осмысления происходящего.

Юлия Мальцева,
выпуск 2012 года.

По воле судьбы четвертый курс обучения на живописном отделении я продолжила в Пензенском художественном училище им .К.А.Савицкого. Для меня открылся новый мир, другое восприятие жизни, захватил дух старины училища, традиции классической рисовальной школы. Помню первый урок истории искусств: тема – Италия, эпоха Ренессанса. Лекции Ларисы Николаевны Буяльской раз и навсегда возродили в моем сердце любовь к этому глубинному предмету и перевернули в моем сознании восприятие художественных произведений и жизни. Лариса Николаевна – Искусствовед, старейший преподаватель и хранитель традиций художественного училища, а еще «вечный двигатель» всего нового и смелого!

Каждый урок – урок жизни, «крылья вырастают» при встрече с ней, хочется творить, писать, изучать, идеи и замыслы захватывают разум! Живое общение, обсуждения, споры и ярые дискуссии разгораются на лекциях Ларисы Николаевны, а в итоге всегда точное и пронзительное заключительное ее слово. Она воспитывает художников, в каждом видит личность, учит проникать в структуру произведений. Вдохновенная, словно бурный ветер, задает темп жизни: творческие вечера, стихи и песни под гитару, просмотр фильмов, походы в театры, вопреки времени и возможностям – она воплощает, порой невозможное, в реальность. История искусства звучит таинственно и завораживающе, интересует и волнует на лекциях Ларисы Николаевны. Хрупкость и лиричность ее творческой природы гармонично сочетаются с упорством и настойчивостью. За долгие годы История Искусства и ИМЯ «Лариса Николаевна Буяльская» слились воедино. И она своей невероятной силой духа, преданностью делу жизни, несмотря на сложность бытия, учит жить, бороться, трудиться и стремиться к высоким идеалам, во имя искусства.

Харько Анна,
выпуск 2012 года.

Радостно слушать человека, который говорит не о простых вещах сложным языком, но о сложных и высоких – доступным. Приятно ходить к учителю, который любит и знает свой предмет, донося свою любовь и знания до учеников, а не оставляя все себе на личное пользование. Как нужно в искусстве всегда помнить о Творце и о творении, и как замечательно, что у меня был такой преподаватель, который всегда напоминал об этом. Да,

нужно не учить, а заинтересовывать. Лариса Николаевна прекрасно это знала. Спасибо ей за все.

Дарья Николаева,
выпуск 2013 года

Поступила я в училище в 1991 году, ходила и смотрела на удивительную женщину, с тонким и необычайно богатым внутренним миром. Для меня она была загадкой. На втором курсе у нас начался предмет «история искусства» на котором мы познакомились с Ларисой Николаевной Буяльской. Настолько увлеченного своей работой человека я, наверное, не встречала, она увлекала нас своими рассказами так, что в нашем воображении мы действительно попадали в Древний Египет, Грецию и другие исторические места. Я всегда смотрела на нее и думала: как же голова может вмещать в себя столько знаний. Всегда с сожалением она говорила о том, что обязательно, обязательно нужно все это посмотреть воочию, побывать там, соприкоснуться с вековой историей, почувствовать каждой своей клеточкой огромный труд художников, архитекторов, искусствоведов.

Спасибо Вам, Лариса Николаевна, за то, что вы любите свою работу, потому что только увлеченный, влюбленный в свою профессию человек может заинтересовать окружающих и донести знания до самой глубины их души.

Наталья Рутчина,
выпуск 1996 года.

Одно занятие с Ларисой Николаевной – как целая прочитанная книга... Не пустая.., глубоко философская. На ее страницах поместилось очень многое. От истории веков до мудрости народов... Вообще очень сложно передать словами ту многогранность чувств, эмоций, новых знаний, которыми полны наши занятия. Лекции по Истории Искусства тесно переплетались с историей жизни. В этом их бесценность.

Любовь Благинина,
выпуск 2013 года.

Перечень имен и страниц части «Вселенная».

Пеганов Николай Васильевич _____	стр.
Лежикова Надежда Анатольевна _____	стр.
Загудаев Сергей Владимирович _____	стр.
Санталов Олег Павлович _____	стр.
Павлов Николай Николаевич _____	стр.
Норкина Светлана Васильевна _____	стр.
Крившенко Иван и Мария _____	стр.
Ащеулов Николай Михайлович _____	стр.
Столярова Елена Алексеевна _____	стр.
Февралева Светлана Николаевна _____	стр.
Никулаенкова Надежда Ивановна _____	стр.
Рассказова Лариса Ивановна _____	стр.
Гуляев Анатолий Сергеевич _____	стр.
Кузнецов Валерий Ювенальевич _____	стр.
Кравцова Муза Ивановна _____	стр.
Артамонов Владимир Константинович _____	стр.
Артамонова Маргарита Тихоновна _____	стр.
Иванчикова Ольга Александровна _____	стр.
Молчанова Таисия Владимировна _____	стр.
Соловьева Ирина _____	стр.
Седова Александра _____	стр.
Меркушова Юлия _____	стр.
Вижуткина Любовь _____	стр.
Паварс Вячеслав _____	стр.
Захарова Ольга _____	стр.
Гусынин Дмитрий _____	стр.
Матвеева Анастасия _____	стр.
Бобылькова Саша _____	стр.
Лойко Анастасия _____	стр.
Жученко Сергей _____	стр.
Шадчнев Кирилл _____	стр.
Зуева Юлия _____	стр.
Колбасов Сергей _____	стр.
Сальников Максим _____	стр.
Григорчук Светлана _____	стр.

Антипова Алина _____	стр.
Николаева Дарья _____	стр.
Рутчина Наталья _____	стр.
Благонина Любовь _____	стр.
Мальцева Юлия _____	стр.
Харько Анна _____	стр.
Николаева Дарья _____	стр.
Рутчина Наталья _____	стр.
Благинина Любовь _____	стр.

Буяльская Лариса Николаевна, член СХ России с 1983 года.

Перечень публикаций.

Перечень желательно оформить по ГОСТу библиографических описаний, а то так — неграмотно.

1. Портреты XVIII – XIX веков в собрании Пензенской Картинной Галереи	1975 Конференция «Неизвестные и забытые портретисты XVIII – XIX » Москва, ГТГ
2. Н.Ф.Петров	1973 Ж. «Художник», 10, 1973
3. 30 лет Победы	1975 Ж. «Художник», 12, 1975
4. Увлеченность	1976 Ж. «Художник», 9, 1976
5. Дебют плакатиста	1977 Ж. «Художник», 4, 1977
6. Времена года	1979 Ж. «Художник», 8, 1979
7. Праздничная керамика	1980 Ж. «Декоративное искусство», 3, 1980
8. Ветераны Второй Мировой	1980 Ж. «Художник», 11, 1980
9. Художники плаката	1981 Ж. «Художник», 10, 1981
10. Плакаты Анатолия Меркушова	1983 Ж. «Художник», 7, 1983
11. Буклет «Пензенская картинная галерея»	1974 Пенза, 1974, тир. 5000 экз.
12. Каталог «Портреты пензенской художественной школы»	1974 Пенза, 1974, тир. 5000 экз.
13. Каталог «Курдов В.Г. Персональная выставка, посвященная 50-летию»	1975 Пенза, 1975, тир. 5000 экз.
14. Каталог «Завьялов Н.П. Персональная выставка, посвященная 50-летию»	1975 Пенза, 1975, тир. 300 экз.
15. Каталог Первой выставки плаката	1981 Пенза, 1981, тир. 100 экз.
16. Буклеты к циклу лекций, прочитанных в Пензенской Картинной Галерее с 1973 по 1976 г.г.	1973-1976 Пенза, 1973-1976 тир. 5000 экз.
17. Ленинский план монументальной пропаганды	1968 «Пензенская правда»
18. Художник-гражданин. К 100-летию со дня рождения Горюшкина-Сорокопудова	1973 «Молодой ленинец»
19. Начало. Первые работы Бориса Качеровского	1974 «Ленинец», г.Иваново
20. Обязан Саратову	1975 «Коммунист», г. Саратов
21. Памятник В.И.Ленину в поселке	1975 «Трудовая честь», Кольшлей
22. Городские мотивы	1976 «Пензенская правда»
23. Любимый город	1977 «Советская культура»
24. Мастер из Абашева	1979 «Пензенская правда»
25. Абашевская керамика	1981 «Луч коммунизма» Беднодемьяновск
26. Зодчий сцены Г.Д. Епишин	1982 «Пензенская правда»
27. Выпускники – городу	1982 «Пензенская правда»
28. Чтоб образ твой запечатлеть. Творчество Курдова В.Г.	1983 «Пензенская правда»
29. Телесценарии, посвященные культуре	1968-1984 Пензенская студия телевидения
30. Выступление на Всесоюзном семинаре искусствоведов в Паланге, под девизом «Конец века – конец искусства.»	1989 Сб.«Советское искусствознание»1989

- Доклад «Художественная жизнь Пензы»
31. Выпускники городу 1990 «Пензенская правда»
 32. С песней по жизни 1991 «Пензенская правда»
 33. Татлин В.Е. Выставка в ПХУ 1992 «Пензенская правда»
 34. Бронзовая миниатюра. 1993 Пенза, тир. 500 экз.
 - Первая выставка в ПКГ. Буклет
 35. Русский портрет XVIII – XIX веков 1976 Каталог выставки в ГТГ «Неизвестные
в Пензенской картинной галерее и забытые художники XVIII – XIX в.в.»
 36. Профессия – художник. (Ромашков Ю.М.) 1983 «Пензенская правда»
 37. Признание в любви. (Евстигнеев Н.Я.) 1983 «Пензенская правда»
 38. Зодчий сцены. (Епишин Г.Д.) 1985 «Пензенская правда»
 39. Метаморфозы Людмилы Маневич 1985 «Пензенская правда»
 40. Путь к душе. (Комов О.К.) 1986 «Пензенская правда»
 41. Высокая миссия художника. 1988 «Пензенская правда»
(Сивостюк О.М.)
 42. С песней по жизни. (Аношина В.С.) 1991 «Пензенская правда»
 43. Татлин В.Е. 1992 «Пензенская правда»
 44. Красоты заката. (Беликов В.М.) 1994 «Пензенская правда»
 45. Худяков В.И. 1997 «Пензенская правда»
 46. Будет ли востребован Париж? (Жаков Г.В.) 1998 «Пензенская правда»
 47. Меценаты. Подвижники. Художники. 1998 «Пензенская правда»
(К 100-летию ПХУ им. К.А.Савицкого)
 48. Два триптиха. (Борисовы) 1998 «Пензенская правда»
(К 100-летию ПХУ им. К.А.Савицкого)
 49. Буяльский Виктор Иванович 2000 Пенза, 20 экз.
 50. Мир в разнообразии. (Мустафаев Алазиз) 2002 «Пензенская правда»
 51. Что в имени тебе моем? (Сборник статей) 2004 Пенза, 20 экз.
 52. Становление пензенской школы 2012 Книга «Преображение». Пенза, 2015
 53. Романтический стиль. (Береснев Николай) 2007 «Русская галерея»
 54. Сине-белые дали. (Художник Ольга Тихонова) 2014 Москва, Экспозиция выставки